

Манящая тень

Автор:

[Кэтрин Блэр](#)

Манящая тень

Кэтрин Блэр

Young Adult. Аномалы

Меня зовут Веспер, и я чудовище. Я могу материализовать ваши самые худшие страхи, превратить кошмары в реальность. Я – аномал, сражающийся на арене с себе подобными, чтобы изменить судьбу раз и навсегда.

Я боюсь своей силы и бегу от нее, потому что знаю – она способна по-настоящему ранить. У меня появилась возможность переписать прошлое, но для этого я должна победить на Турнире реверсии. Мне предстоит не только использовать магию, но и по-настоящему драться. А научить меня сражаться может только один-единственный человек – Сэм Харди, бывший боец ММА и парень, так же, как и я, отчаянно нуждающийся в надежде...

Кэтрин Блэр

Манящая тень

Katharyn Blair

The Beckoning Shadow

© 2019 by Katharyn Blair

© Харченко А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Моему мужу

Спасибо, что сторожил мои заветные мечты

1

Если задуматься, оно всегда было со мной. Чувство чего-то неправильного, чего-то сокрытого за моими ребрами. Оно задевало мои легкие, когда я делала глубокий вдох, чтобы посмеяться со старшей сестрой Кармен, или когда кричала на игре: «Агрессивней! Агрессивней давай!»

Оно сворачивалось вокруг сердца, бившегося быстрее при виде объекта моих вздыханий на ту неделю. Словно лоза, созданная из искушения, тиски из ужасных обещаний.

Каким-то образом я знала, что со мной что-то не так.

Неплохое начало для истории, не правда ли? Оно показывает меня именно такой, какой я хочу выглядеть, – человеком, с которым это произошло. Человеком, который страдает. Человеком, который боится.

Но это не вся правда.

Внутри меня живет страх, но все не так, как вы думаете.

Раньше моя жизнь наполнилась обычным страхом. Когда сумерки испарялись в воздухе и сменялись ночью, мама всегда брала меня за руку на парковке. Было что-то такое в вечере, в гуле уличных фонарей, что пробуждало страх в моей матери. Страх, которому учишься, – страх, к которому приучают.

Но я покинула тот страх и все остальное, что у меня было, в ночь, когда разрушила свою семью и сбежала. Я спряталась в грязной уборной на автовокзале и отрезала себе волосы карманным ножиком, который подарил мне отец, когда летнее время сменилось на зимнее и тренировки группы поддержки начали заканчиваться уже затемно. Дрожа мелкой дрожью, вся покрытая пеплом, я пыталась избавиться от своей личности, поскольку знала, что никогда не смогу вернуться назад. Все, чего меня учили бояться родители, стало бесполезно. Так что хватит.

Несмотря на все предостережения, уроки, бесконечное оглядывание через плечо – то, чего они должны были бояться больше всего, все это время находилось рядом.

Я.

Это меня им следовало бояться больше всего.

2

Я пробыла в бегах почти два года. Спала под эстакадами и в заброшенных церквях. Наловчилась справлять нужду в пустых переулках и незаметно красть спелые авокадо.

Но вряд ли я когда-нибудь привыкну к долгим поездкам в автобусах. Я сижу на этом сиденье уже двенадцать часов, да еще и перед семилетним ребенком. И ведет он себя именно как семилетний ребенок, который сидит в автобусе уже двенадцать часов. В Лос-Альтосе мне доводилось нянчить многих детей – они, как правило, меня любят, да и я веду себя как приличный член общества.

Но если он еще хоть раз пнет спинку моего сиденья, я спущу на него всю ярость преисподней, разорву его рассудок в клочья и заставлю переосмыслить все решения, которые он принял в своей крошечной жизни. Можно, конечно, просто пересесть, но меня укачивает, если я не рядом с окном.

Я делаю глубокий вдох, прислоняюсь к окну и закрываю глаза. Моя дорога ведет на юг. Если продолжу сидеть спокойно, то вернусь в Лос-Альтос. Домой.

При этой мысли я прикусываю кончик языка и кривлюсь от боли, пиная резиновой подошвой кед пластиковое дно сиденья. Знаю, это глупо, но как-то в приемной у дантиста я прочла статью об оперантном обусловливании. Если сильно закусывать язык каждый раз, когда я начинаю скучать по дому, в который мне категорически нельзя возвращаться, то тоска по нему начнет ассоциироваться с болью. К примеру, женщина, описываемая в статье, перестала хотеть курить, потому что шлепала себя резинкой по запястью, так что принцип, по сути, тот же.

Нет, пока это не сработало. Только рубцы на языке появились.

Мы делаем остановку, чтобы подобрать очередную группу людей, и едем к конечному пункту назначения.

Чтобы отвлечься, я смотрю в окно. По крайней мере, за ним неплохой пейзаж. И мы почти на месте. Осталось лишь перетерпеть дорогу через Сан-Франциско, и мы попадем в Пейнс-Крик – небольшую фермерскую общину. У них есть вакансии на заводе по расфасовке миндаля... идеальное место, чтобы спрятать волосы под бейсболкой и смешаться с толпой. Я не настолько глупая, чтобы думать, будто недавние слухи о странных происшествиях с аномалами – новости, передающиеся посредством быстро удаляемых постов в соцсетях, – не дошли до маленьких сельских городков. Но надеюсь, что они будут слишком заняты, чтобы задавать вопросы.

По холмам скользит туман, словно любопытные щупальца океана решили попробовать на вкус город. Я достаю жвачку из кармана толстовки и закидываю ее себе в рот. Если закрыть глаза, можно почти представить, что я вновь сижу в задней части автобуса с Линдси и Дженной и готовлюсь к соревнованию или чему-то подобному. Ханна разминала бы мышцы на переднем сиденье. Тренер Амира шутила бы с Фениксом, нашим водителем. Но той жизни больше нет. Хотя

чем я дальше от нее, тем она легче просачивается в ту часть меня, которую я заперла за стальной дверью.

Кто-то плюхается на соседнее сиденье, и я подскакиваю. Хм, а этот парень неплохо выглядит. Но он улыбается таким образом, который всегда предшествует диалогу, а я не в настроении болтать. Вновь поворачиваюсь к окну, надеясь, что он поймет намек.

На него не оглядываюсь. Не стоило мне жевать последнюю жвачку. Запашок после двенадцатичасовой диеты на кофе с чипсами с заправки наверняка бы пресек любые разговоры.

Беру журнал из карманчика переднего сиденья. Какое-то периодическое издание на тему бизнеса... не совсем то, что я решила бы почитать по своей воле. Но это неплохое развлечение, и внезапно эти глянцевики странички кажутся моим самым ценным имуществом. На обложке изображен парень, стоящий перед гигантским зданием, которое закрыто строительными лесами. Он старше меня и прекрасен, словно только что сошел со щита с дурацкой рекламой духов. Одной из тех, на которых мужчина с проседью отдыхает на яхте, а его пытается соблазнить русалка. И вы спросите: «В чем смысл этой рекламы?» И тут они покажут вам флакон, хотя абсолютно не ясно, какое он имеет отношение к совокуплению с русалкой на лодке, но вам все равно захочется узнать, как же эти духи пахнут. Мой взгляд проходит по обложке. Заголовок гласит: «Ананиас Вентра: магнат по торговле недвижимостью нарушает и создает собственные правила».

Я сосредоточиваюсь на словах, надеясь, что, если не буду поднимать взгляд, он не...

– Куда направляешься? – спрашивает меня парень с соседнего места.

– Дальше на юг.

Три слова. Для меня они учтивая формулировка другого направления из трех слов, куда мне хочется его послать, но парень реагирует как голодный голубь, которому только что подкинули ломоть хлеба. И, разумеется, сейчас он потребует добавки.

– У тебя там семья? – спрашивает он, придвигаясь ближе, чтобы двое людей, идущих по узкому проходу, смогли протиснуться дальше.

Один из них останавливается у ряда позади нас. Женщина в толстовке с надписью «Сопrotивляйся» направляется к задней части автобуса. Я пробегаю по ним взглядом, словно этого хватит, чтобы их рассекретить. Это уже вошло в привычку. Я однажды читала, что у одного типа аномалов неестественные зрачки, если смотреть на них в определенном освещении. Прошло два года, но я ни разу не видела подобного. Может, это просто городская легенда.

Хотя, откровенно говоря, два года назад я многое принимала за городские легенды.

Я вновь поворачиваюсь к окну, надеясь, что мой собеседник поймет, что я не заинтересована в болтовне. Пристально смотрю на табличку рядом с дорогой, на которой написано, что до Сан-Франциско осталось восемнадцать миль. Вокруг нее клубился туман, и я замечаю знакомое граффити в нижнем левом углу.

Независимо от того, сколько раз я его видела, меня все равно будто сковывает лед. Это лиловый цветок, объятый пламенем, – королева ядов.

Людей, которые отличаются от меня, это граффити ничем не привлечет. В нем нет ничего любопытного.

Но на самом деле это визитная карточка, которая в последнее время появляется все чаще и чаще. На уличных знаках. Бамперах. Автобусных остановках. Общественных туалетах. Ординары – обычные люди – не поймут, что это.

Они никогда не жили в страхе обнаружить бутон королевы ядов, прибитый к их входной двери. Этот страх известен только аномалам. Он одна из многих причин, по которой мне пришлось сбежать из дома. Граффити – это послание: грядут перемены. Но я не готова поставить свою жизнь на веру в это. До меня доходили слухи, что многие аномалы укрылись в Сан-Франциско – и именно поэтому я не буду там останавливаться.

Я прячу журнал обратно в кармашек и откидываюсь на спинку сиденья.

Мне мало что известно о пугающей подноготной мира аномалов. Но я знаю, что исчезновение зрителей не случайно. От этого слова, мелькающего в моем сознании, в груди сжимается: зрители. Даже от одного звука этого слова, раскатывающегося эхом в голове, по моему горлу начинает подниматься желчь.

Автобус рывком двигается вперед, и табличка с граффити исчезает из виду. Тут я понимаю, что мой сосед по-прежнему что-то бормочет; господи, до сих пор! Но есть один положительный момент. Маленький непоседа с заднего ряда поменялся с кем-то местами, и теперь объектом его домогательств стал мой сосед.

– ...Так что я решил поехать в Сан-Франциско и подсобить ему, раз уж он оказал мне такую помощь с химией. Кто-то бы сказал, что это не моя забота, но я считаю это правильным поступком. Меня, кстати, Колби зовут.

Парень замолкает и смотрит на меня с улыбкой. И-и-и мяч передают мне. Голодный голубь ждет, когда я подкину еще хлебных крошек. Я опускаю ниже капюшон толстовки – их получила вся группа поддержки на чемпионате штата, прежде чем я сбежала, – и молюсь, чтобы он не прочел имя на кармане, которое я зарисовала черным перманентным маркером. На нем самым жизнерадостным шрифтом, который только можно представить, написано «Веспер». Из пучка, собранного без помощи расчески, выбиваются грязные пряди моих светлых волос, на невытом лбу наклеиваются как минимум три новых прыщика.

Может, у того факта, что я испортила себе жизнь и пустилась в бега, есть и положительная сторона. Поскольку два года назад вежливая я, которая вплетала ленточки в волосы в день игры и больше всего заботилась о том, чтобы не сгибать колени во время махового переворота назад, сочла бы необходимым поддержать беседу с Колби.

Добрая. Вежливая. Но этой девушки больше нет. Да здоровствует грязноволосая, равнодушная Веспер.

– Слушай, я понимаю, что ты весь вне себя от возбуждения, но у меня нет настроения для болтовни.

Я ожидаю, что это немного его смутит. Возможно, даже вызовет раздражение. Но он просто улыбается. Улыбается. Будто я сказала что-то милое.

В ту же секунду я чувствую пульсацию вокруг пальцев, как если бы мои кости обмотали вспыхивающие электрические провода. Словно мои руки дремлют, но это не так. Это чувство мне знакомо. Оно опасное, голодное – чувство, которое я сдерживаю на поводке из пряжи. Я сжимаю кулаки и смотрю в окно.

– Тебе необязательно говорить. Я все понимаю. Но я рядом, если вдруг захочешь. Я специализировался на женской психологии в колледже, так что понимаю...

В этот момент ребенок с заднего сиденья пинает спинку его кресла, и Колби летит вперед, ударяясь лбом о место впереди. Улыбка начисто стирается с его лица. Я оглядываюсь через плечо на мальчишку, который еще час назад был бичом моего существования. Сейчас же для меня он лучший человек во всем мире. Мое кресло он тоже пинал, но никогда с такой силой. Мальчик улыбается мне, будто все понимает.

Ничего не могу с собой поделать. Я тоже улыбаюсь. Даже невзирая на то, что моя ладонь по-прежнему пульсирует, словно под кожей жужжит запертая пчела. Даже невзирая на то, что это служит мне напоминанием: если между аномалами и ординарами – людьми с магией и без – когда-нибудь начнется война...

Я на вражеской стороне.

3

Когда мы заезжаем на автовокзал, на улице уже стемнело, а туманная завеса настолько уплотнилась, что за окном почти ничего не видно. За время поездки Колби совершил еще несколько попыток завести со мной разговор, но в конечном итоге понял намек. И под намеком я подразумеваю, что чихнула ему в кофе. Но я все равно жду не дожусь, когда он сойдет с автобуса. Тогда я смогу вытянуться и попытаться поспать.

– Последняя остановка на сегодня! – кричит грузный водитель автобуса.

Нет. Не может быть!

– Мы должны были доехать до Стоктона! – возражаю я.

Он устало смотрит на меня.

– Должны были, но не можем. Дороги сильно затопило. Как только рассветет, мы сразу же двинемся в путь.

Я не могу здесь останавливаться. Мне нельзя оставаться в Сан-Франциско.

– Тебе нужен ночлег? – спрашивает Колби, когда я выхожу в холодную ночь.

Я его игнорирую и быстро иду к кассе. Может, еще успею купить билет в другой город. Но в окошке, словно в качестве злобной насмешки над моим несчастьем, большими буквами написано «ЗАКРЫТО».

Сердце ухает вниз, мысли путаются в голове. Успокойся. Просто думай.

Я прислоняюсь к зданию, наблюдая, как все пассажиры собирают сумки и выходят на улицу, чтобы ждать своего транспорта. Я, насколько возможно, прячусь в тени. Затем нажимаю кнопку на дешевых марвеловских часах, которые Джек подарил мне в качестве шутки на день рождения. Уже почти десять. Вздыхаю. Ночь на улице не входила в мои планы на сегодня, но, похоже, у меня нет выбора. Я затягиваю ремешки на рюкзаке и иду дальше по улице. Нужно найти церковь или переход – какое-нибудь местечко, где можно пересидеть до рассвета.

Мои кеды не издают ни звука на мостовой, пока я миную большую фреску Девы Марии, нарисованную красками цвета фуксии и ярко-розовой. Меня так завораживает картинка, как цвета рассекают темноту ночи, что я замираю. Я часто слышала о красочности Сан-Франциско, но такого все равно не ожидала. Мне хочется опустить голову и идти дальше, но энергетика этого места так и молит смотреть дольше, и не в моих силах противостоять ее зову. Передо мной вырастают ряды домов в викторианском стиле – все разных оттенков синего. Я прогуливаюсь мимо винного магазинчика с золотыми подоконниками, на которых растут пышные пионы и свежая кинза. Прохожу под лаймово-зеленым пожарным выходом и останавливаюсь от мяуканья рыжей кошки с оторванным кусочком уха, которая протягивает ко мне лапку через решетку. Я улыбаюсь и на секунду присаживаюсь, чтобы отбить ей «пять». Трамвайные провода шипят от

электричества, потрескивающего вдоль линий. Всего на пару минут реалии того, кто я и что сделала, ускользают на задворки моего разума, гонимые таким мощным запахом закваски и морского воздуха, что я почти ощущаю привкус залива на языке.

В реальность меня возвращает какой-то шорох. Я мигом поворачиваюсь. Уличные фонари выглядят как туманные ореолы за низкими облаками.

Это город. Города всегда шумные.

Я поворачиваюсь обратно и ускоряю шаг, надеясь, что никто не увидел, как я подпрыгнула от шороха, который, скорее всего, издала кошка. Но затем он вновь раздаётся. Это уже не столько похоже на шорох, сколько на тихие шаги по бетону. Прямо позади меня, приближающиеся.

Я вновь оглядываюсь, страх так быстро наполняет мои жилы, что я слышу свое порывистое сердцебиение в ушах.

– Кто там? – Мой голос дрожит, но я пытаюсь дышать спокойно.

Это не они. Не они. Не они.

Смотрителей больше нет. Все изменилось. Мне не нужно бояться.

Просто дыши.

Мне необходимо успокоиться, но я не могу избавиться от ощущения, что вот-вот стану типичной первой жертвой в ужастике. Камера стремительно приближается ко мне сзади, чтобы уловить момент, когда я развернусь и увижу небольшого зверька, выходящего из тени. Я выдохну с облегчением, а когда повернусь обратно, непременно замечу психопата в маске и с электродрелью, и после кто-то найдет мой недоеденный труп под мостом Золотые Ворота. И это еще лучший вариант развития событий. Ведь если это смотрители, мое тело уже никто никогда не найдет.

«Никто не видел их почти два года», – напоминаю я себе.

Я подпрыгиваю и поворачиваюсь на какой-то звук. Из-за мусорного бака выбегает серая кошка. Я пытаюсь подавить крик. Ладно, значит, это все же была кошка. Теперь мне просто нужно повернуться...

Я разворачиваюсь. Ни маски, ни электродрели.

Велика вероятность, что я просто слишком остро на все реагирую.

Я в незнакомом городе. Вполне естественно чувствовать себя не в своей тарелке в новой обстановке, верно?

Но затем я вновь слышу шорох. Поднимаю взгляд, и вот он – едва различимый силуэт, попавший под край света фонаря. Я могу поклясться, что что-то увидела. Или кого-то. Не знаю, игра ли это воображения, но я не трачу время на выяснения. Я максимально быстро начинаю плестись вслепую по тротуару.

Сквозь густой туман почти ничего не видно, но мне удастся различить огни небольшого лавандового здания в противоположной части улицы. Кафе «Алоэ». Похоже, это единственное заведение, которое до сих пор открыто.

Я распахиваю дверь, тихий звон колокольчика звучит дико не к месту на фоне моего ужаса.

Останавливаюсь и пытаюсь перевести дыхание. Меня обволакивает теплый запах молотого кофе. За столиком в задней части кафе сидят двое хипстеров с семью разными гаджетами, подключенными к стене цвета баклажана, а напротив окна читает книгу парень в толстовке. Я прохожу дальше, мои «конверсы» скрипят по потертому деревянному полу. Услышав, как вновь звякнул колокольчик при закрытии двери, я плетусь к столику у витрины. Он задвинут в угол, над ним висит постер к фильму «Братство Кольца». Отсюда удобно наблюдать за улицей так, чтобы меня не увидели. Я поглядываю в окно, но там ничего нет, кроме витков тумана на черной улице. Парень, который сидит в другой части кафе, отрывается от книги. На нем темная шапка и серая кенгурушка. На его бровь наклеен пластырь, но даже издалека видно, как под ним расцветает синяк. На нижней губе едва-едва начала заживать ранка. Он берет бумажный стаканчик и делает глоток. Стаканчик выглядит смехотворно крошечным в его ручищах, которые тоже перевязаны.

О, славно. Все просто прекрасно. Он совсем не похож на серийного убийцу.

Я вновь перевожу взгляд на окно, отчасти ожидая увидеть силуэт в тумане. Там никого нет, но вид пустой улицы больше похож на угрозу, чем на утешение. Я знаю, что кто-то наблюдал за мной. Кто-то, кто может лазить по стенам.

Мой поток размышлений прерывает мужской голос, и я вздрагиваю.

– Кофе? – спрашивает официант, поднимая свободную руку при виде моего перепуганного лица.

Он старше меня – лысый, с блекнувшими татуировками по бокам головы. В каждом ухе минимум три сережки, нижняя часть лица заросла густой рыжей бородой. На его бейдже написано «Гейб».

Я с трудом сглатываю и качаю головой. У меня есть кое-какие сбережения, но их нужно тратить с умом.

– Простите. Я уйду через минуту, ладно?

Он смотрит на меня с мгновение, а затем наполняет щербатую чашку на краю столика и ставит ее передо мной.

– О, мне... – начинаю я, но официант качает головой.

– Мы закрываемся через два часа, а этот кофе все равно выльют. Ты делаешь мне одолжение.

Я поднимаю глаза, на секунду встречаясь с ним взглядом. Доброту редко оказывают за просто так, особенно женщинам. Я научилась не принимать одолжения от других, хотя это и не спасало меня от нежелательного внимания. Но мужчина не пытается подмигнуть мне со всей деликатностью, которую можно почерпнуть только из порно. Нет, он вообще смотрит в окно, словно видит, что я боюсь чего-то, притаившегося под покровом ночи.

– Спасибо, – шепчу я.

Он кивает и переходит к хипстерам. Я обхватываю задубевшими пальцами чашку и тихо ахаю, когда сквозь керамику в мою кожу проникает тепло. На секунду в мой разум просачивается воспоминание о том, как я сидела в джакузи на пижамной вечеринке Эштин в честь конца учебного года.

Закусываю язык. Сейчас не время для этого.

Я не плакала уже много месяцев и вряд ли бы смогла, даже если бы захотела. Боль так глубоко погребена в моей груди, что за ней нужно нырять – сомневаюсь, что мне удалось бы ее найти за один раз. Для меня она потеряна, пока я не решусь хорошенько ее поискать. И меня это вполне устраивает.

Я снимаю рюкзак с плеча и неохотно его открываю, будто внутри затаилось нечто опасное и вот-вот выпрыгнет наружу.

Рассматриваю конверт, за который пришлось отдать почти три зарплаты, когда я жила в Сиэтле. У меня кишка тонка, чтобы его открыть. Делаю глубокий вдох, за время которого успеваю напомнить себе, что я трусиха и не могу сделать то, что планировала при его покупке. С моего побега из дома прошло пятнадцать месяцев. Я думала, что со временем стану храбрее, но все с точностью наоборот.

Последний раз я видела плакат о моей пропаже двенадцать месяцев назад. Свое лицо в новостях – девять месяцев назад. «Местная девушка исчезает после страшного пожара» – гласила подпись, сопровождаемая фотографией, которую сделала моя мама на Манхэттен-Бич, где я в обтягивающем бежевом топике, из-за чего кажется, будто я голая. Увидев ее впервые, я закатила глаза – мама явно не отдавала себе отчет, когда вручала эту фотографию полиции. На секунду я представляю, как дразнила бы ее по этому поводу вместе с Кармен. А затем меня придавливает реальность – такая тяжелая, что может оставить вмятину в полу под моими ногами.

Я больше никогда не буду с ними смеяться. Не после того, что я натворила.

С воспоминанием о криках приходит и вонь горящей древесины, в сравнении с которой мой страх перед зрителями кажется чуть ли не смехотворным.

Я знала, что мой поступок карается смертным приговором у зрителей. Честно говоря, я даже ждала его. Ждала цветка королевы ядов, прибитого к нашей

передней двери. На протяжении многих месяцев до побега я просыпалась пораньше, чтобы проверить, все ли чисто, пока мама не обнаружила его первой по пути на работу.

Это был лишь вопрос времени, прежде чем я все испорчу и потеряю контроль. Просто я никогда не представляла – ни в одном из тысяч кошмаров, – насколько ужасающими могут быть последствия.

Я так сильно прикусываю язык, что чувствую кровь.

Не знаю, как долго я так сижу, попивая кофе и глядя на извивающийся туман, жмущийся к витрине. Но, наверное, долго, поскольку хипстеры уже уходят. Подходит Гейб, чтобы подлить мне еще кофе в чашку. Я тихо бормочу благодарности, на что он кивает и возвращается к прилавку.

Я наблюдаю за Мистером Кровавые Костяшки, пока он читает. Он проводит большим пальцем по нижней губе, и меня привлекает это движение. Несмотря на синяки, он вообще-то...

В моем животе пробуждается что-то давно забытое. Я не собиралась говорить, что он симпатичный, поскольку последнее, что нужно человеку в бегах, это бестолковая влюбленность.

Дома я несколько месяцев встречалась с парнем – Натаном Пересом. Футбольный игрок, умопомрачительная внешность, ужасно целуется. В десятом классе мы расстались. Он расплакался. Я – нет. С тех пор я целовалась с парой парней, но не после побега. Мой взгляд вновь сосредоточивается на губах Кровавых Костяшек.

Ладно, теперь я откровенно пялюсь.

Только не смотри на меня. Не смотри, не...

Упс. Посмотрел.

Мы снова встречаемся взглядами. Я тут же ошетиливаюсь, меняя образ девушки, которая еще час назад буквально бежала от тумана, на «если подойдешь ко мне,

я выпотрошу тебя за десять секунд». Еще один маленький трюк, которому я научилась за годы путешествия в одиночку.

Он вскидывает поцарапанную бровь и усмехается. Будто считает мой тщательно проработанный злобный вид интригующим.

– Что? – спрашиваю я. Лучшая защита – нападение, верно?

Он снова поднимает голову и изображает удивление. Затем делано смотрит себе за спину и обратно на меня, едва сдерживая смех.

– Ничего.

Я вновь обхватываю чашку пальцами и, поднося ее к губам, немного проливаю кофе. Вот черт!

Быстро смотрю на парня, надеясь, что он ничего не заметил. Но, естественно, он все видел. Клянусь, он улыбается, когда опускает взгляд на ежедневник перед собой. Интересно, что он там пишет? «Дорогой дневник! Последние новости: девушки по-прежнему разливают жидкости в моем присутствии».

– Ай! – шепчу я, обжигаясь о кофе. Определенно не мой день. Или год. Или жизнь.

Я как раз собираюсь встать и попытать удачу с тем стремным туманом на улице, когда кто-то кладет салфетку на мой стол. Поднимаю взгляд на Кровавые Костяшки.

– Все нормально? – спрашивает он.

– Ага, – бурчу я, инстинктивно отодвигаясь подальше, пока он садится на противоположный стул.

– Я говорил Гейбу не подавать кофе таким горячим, – замечает он, протягивая руку. Я не шевелюсь. Он же не ждет, что я попрошу его о помощи, ведь так?

– Со мной все хорошо, – настаиваю я, но в моей интонации слышится четкий посыл: «Будь добр, отвали».

Еще один трюк, которому я наловчилась в бегах.

Парень закатывает глаза.

– Я не пытаюсь запугать тебя. Один год я работал медиком. Просто хочу убедиться, что ты в порядке.

– А я была владелицей этой руки целых семнадцать лет, так что знаю, что она в порядке.

Кровавые Костяшки встает.

– Ну ладно, намек понял. Если передумаешь, в морозильнике есть пакетики со льдом.

– Мне не нужна твоя помощь. Как и бесплатный кофе. Я не какая-то беспомощная бродяжка, ясно? Я могу позаботиться о себе.

Он поднимает руки в знак защиты.

– Никто и не говорил, что не можешь.

Он всматривается в меня, и я вижу, как в его глазах зарождаются вопросы. От этого хочется съежиться, словно он может увидеть то, что я пыталась скрыть. Вблизи он уже не так похож на убийцу. Парень выглядит здорово, как Капитан Америка или кто-то подобный. Но я заставляю себя сидеть смирно. Только я собралась открыть рот, как до нас доносится звук. Глухой удар, за которым следует металлический грохот с кухни, как если бы на плиточный пол посыпалась посуда.

Кровавые Костяшки замирает и прислушивается. Я тоже. В этом звуке было что-то неправильное. А затем...

Щелк.

На самом деле звук не такой громкий, как я слышу у себя в голове. Он попросту не может быть настолько громоподобным, чтобы раскатываться эхом по черепу с такого расстояния, но, возможно, щелканье затвора всегда так звучит – как голодное клцанье челюстей, решающих то, на что не имеет права ни один человек. В любом случае такой звук никак не может быть тихим.

– Не двигайся! – рявкает кто-то с кухни.

Сквозь кухонное окно я вижу мужчину в серо-черных перчатках. В его правой руке зажат маленький пистолет. Он нас не увидел... пока.

Кровавые Костяшки мигом кидается в другую часть помещения, не издавая ни звука. Я тоже начинаю бежать, но он прижимает палец к губам.

– Пригнись, – едва слышно шепчет парень.

Я останавливаюсь на секунду, а потом прячусь под стол.

Он крадется ближе к кухне, а я медленно ползу за ним. Вдруг он быстро оглядывается через плечо.

– Оставайся здесь, – велит Кровавые Костяшки громким шепотом. Затем пригибается и перебегает к прилавку, а оттуда придвигается как можно ближе к кухне.

Я понимаю, что нужно бежать отсюда со всех ног, даже если звон колокольчика на выходе оповестит о моем присутствии. В лучшем случае все это закончится приездом копов, но я не могу попадаться им на глаза. Вряд ли новости о моем исчезновении распространились так далеко на север, учитывая, сколько детей моего возраста пропадают каждый день, но я не хочу рисковать.

Но в моей голове все еще проигрывается звук того глухого удара. Кто-то ударил Гейба – он ранен. А если Кровавые Костяшки попытается сыграть в героя, то поплатится за это жизнью. Я слишком часто становилась свидетелем страданий других людей. Нельзя просто уйти, хотя и стоило бы.

Я подползаю ближе.

Парень поворачивается, беспокойство на его лице исчезает и сменяется неприкрытым раздражением. Он яростно машет мне руками и произносит одними губами: «Беги».

Ладно, это уже оскорбительно. Не спорю, он размером с небольшую секвойю, но, рассмотрев его хорошенько, я вижу, что ему максимум лет девятнадцать. И я больше никому не подчиняюсь.

Точно не знаю, когда я успела приблизиться к Кровавым Костяшкам, но я прямо позади него, прижимаюсь к прилавку. Мужчина с пистолетом что-то бормочет на кухне, но я больше никого не вижу. Либо он говорит с Гейбом, либо ругается с кем-то по телефону.

Кровавые Костяшки наконец замечает, что я стою за ним, и подпрыгивает.

– Ты! – изумленно восклицает он. – Я же сказал тебе бежать!

– У тебя есть мобильный?

Он качает головой и прищуривается. Я упорно смотрю в ответ, даже не пытаюсь придать себе грозный вид – теперь это получается естественным образом. Парень открывает рот, чтобы что-то сказать, но я прижимаю палец к его губам – мужчина на кухне замолчал.

Сжимаю руки в кулаки. По нижней части моего черепа прокатывается низкий гул, ладони начинают пульсировать.

– Последнее предупреждение. Уходи. Я не хочу быть ответственным за тебя, – говорит Кровавые Костяшки, но я едва его слышу, пока смотрю на свои ладони и чувствую нарастание силы под кожей.

Он направляется к кухонной двери. Я поднимаю взгляд как раз тогда, когда он проскальзывает внутрь. Я же будто приросла к месту.

«Вставай. Сделай что-нибудь», – твержу я себе.

Давай же, хоть что-то!

В ответ раздается другой голос, напоминающий звон крови в ушах: «Ты не можешь это контролировать. Ты только все испортишь».

А кто сказал, что я в этом нуждаюсь? Я могу помочь и без своего проклятия. Люди постоянно помогают друг другу без всяких аномальных сил.

Я заставляю себя подняться. Заставляю себя идти, несмотря на страх, сковывающий мышцы.

Кидаюсь к двери, даже толком не осознав, что мои ноги пришли в движение, пока не оказываюсь у входа на кухню. Гейб лежит на полу оглушенный, прижимая руку к кровоточащей голове. Кровавые Костяшки впечатал злоумышленника в стену, заведя ему руку за спину.

Я хватаю полотенце, чтобы приложить его к ране, и скольжу по полу к Гейбу.

– С вами все будет хорошо, – шепчу я, хотя он и белый как призрак.

Убираю полотенце. Рана глубокая, но все обойдется, если доставить Гейба в больницу. Он берет мою ладонь своей дрожащей рукой и сжимает ее. Его глаза расширены, взгляд рассеянный, но внезапно, будто в знак предупреждения, он сосредоточивается на чем-то за моим плечом.

– Сэм, – выдыхает Гейб, после чего теряет сознание, вяло оседая на дверцу холодильника. Я оглядываюсь на Кровавые Костяшки. Сэм. Его зовут Сэм.

Злоумышленник откидывает голову и бьет Сэма лбом по лицу, сбивая того с ног. Затем поворачивается, подхватывает пистолет и наставляет дуло прямо в грудь парня.

Я открываю рот в крике, и тут что-то выпрыгивает из моих ладоней. Не успеваю я это остановить, как оно змейкой ползет по помещению и обвивается вокруг груди злоумышленника. Мой разум наполняется низким гулом, все мысли с грохотом сбиваются в кучу. Я слышу голоса, вижу проблески лиц. Подводные глубины – рокот океана, рев волн. Затем то, что я выпустила, возвращается

обратно, как сокращающаяся мышца. Мои глаза распахиваются, а от тяги магии злоумышленник летит вперед, будто его толкнули сзади.

Я с ухающим желудком осознаю, что натворила. Мы со злоумышленником по-прежнему связаны, моя магия обматывает его грудь. Шум волн усиливается на задворках моего сознания.

– Какого черта только что произошло?! – вопит мужчина, опуская пистолет, чтобы оглянуться, как если бы ожидал найти кого-то у себя за спиной. На его лице застывает гримаса чистого ужаса.

Я поднимаюсь на ослабших ногах. Его налитые кровью глаза останавливаются на мне, словно он впервые замечает мое присутствие. На его лицо падают высветленные волосы, над дрожащей верхней губой растет редкая линия усов. Будь я полностью в сознании, то могла бы даже посочувствовать ему.

– Чего ты боишься? – спрашиваю я у злоумышленника. Его взгляд на секунду останавливается на мне, а затем продолжает бегать по комнате. Он меня не слушает.

– Беги, – шепчу я Сэму.

– Что? Почему? – спрашивает он и, увидев мои полные ужаса глаза, делает шаг ко мне.

– Забирай Гейба и уходи, – молю я, тщетно пытаюсь прервать нашу связь со злоумышленником.

Мужчина нацеливает пистолет на мою грудь.

– Никто никуда не пойдет, – сплевывает он.

Ладно, теперь я точно ему не сочувствую.

Чувство нахождения под водой усиливается, затягивая меня все глубже. Мои руки дрожат, связь между нами натягивается. По моему затылку стекают капельки пота, а сердитое выражение лица мужчины идет трещинами – я знаю,

что он чувствует то же самое, что и я. Он слышит волны... крики.

В моих ушах рокошет океан. Мужчина взводит курок и наставляет пистолет на голову Сэма.

– Отойди, или я пристрелю твоего парня, – говорит он, но его внимание сосредоточено на чем-то другом.

Он опускает взгляд при звуке журчания воды. Та собирается у его ног, вращаясь единым потоком вокруг лодыжек, как возникший из ниоткуда водоворот.

– Что это? – затаив дыхание, спрашивает злоумышленник.

При виде воды меня охватывает странный трепет. Я чувствую ее потоки в своих ладонях – каждое их движение отдается под моей кожей. Мужчина пытается пошевелиться, но я поднимаю руки, и водоворот вздымается к его талии. Поднимаю руки выше, и вода достигает плеч и прижимает его руки к телу, пока он кричит.

Я вытягиваю пальцы, и водоворот начинает кружиться быстрее. В моей груди вспыхивает чахлая надежда – раньше мне никогда не удавалось контролировать ситуацию. Это что-то новенькое.

С вращающейся в ладонях энергией я поднимаю руки еще выше.

Вокруг мужчины пенится густая и неумолимая вода. Вот что я обнаружила внутри его – страх, порожденный воспоминанием десятилетней давности, когда сильное течение сбило его с ног и кубарем отправило во тьму. В тот миг он думал, что погибнет: в его ушах гудит рев океана, пока он не перестает отличать рокот воды от собственных криков. Соль обжигает горло и щиплет глаза. Где-то во мраке его страха я слышу женский голос, зовущий его по имени: «Митч! Митч! Мой сын! Он не может выбраться! Митч!»

Митч. Вот как его зовут.

Я возвращаюсь на кухню и открываю глаза. Осмеливаюсь кинуть взгляд на Сэма – он тоже смотрит на меня, на его лице читается странное выражение. У меня

нет времени пытаться определить его. Я поворачиваюсь к Митчу.

Утонуть. Он боится утонуть.

– Что, Митч, уже не так весело, когда кто-то играет с твоей жизнью? – спрашиваю я, и его глаза округляются.

По моему телу раскатывается сила, мышцы растягиваются и сокращаются от тяжести того, что я не использовала со времен побега, но они ее помнят.

– Откуда ты знаешь мое имя? – выпаливает мужчина, и я позволяю воде подняться до его шеи.

Я делаю шаг, и вода двигается синхронно со мной, отползая назад. Подошва моих кедров скрипит на влажной плитке. Я собираюсь вытолкнуть злоумышленника и воду наружу, позволить страху отскочить обратно в его грудь, а затем забрать пистолет и вверить его Сэму до приезда полиции.

Никогда не думала, что наступит день, когда я смогу сделать что-то доброе с помощью своей силы. Что смогу быть кем-то еще, кроме как угрозой. От этой мысли я чуть ли не ликую. Закрываю глаза и сосредоточиваюсь на воде.

Ледяная и сердитая. Она наполняет мой нос и просачивается в легкие, туго сжимая их...

Вдруг что-то идет наперекосяк. Будто наша связь со скрипом рвется, и я кубарем падаю, в разум врывается оглушительный рев океана. Через секунду я возвращаюсь в воспоминание Митча. Обратно в водоворот. Мои пальцы впиваются в песок, пытаюсь найти опору, чтобы исправить ситуацию. Но я не могу. Тут ничего не поделать. Возможно, я уже даже себя никогда не исправлю. Я падаю на колени, и боль возвращает меня в реальность – как раз вовремя, чтобы увидеть, как водоворот обрушивается на пол, и Митч падает. В этот миг, в эту секунду, мне кажется, что опасность миновала. Но затем мои уши опять наполняет рев, и я поворачиваюсь.

В дверь врывается огромная волна, сбивает Сэма с ног и откидывает металлический стол к задней стене, блокируя черный выход. За секунду кухню

затапливает вода. Мы будто находимся на тонущем корабле, океан крушит наше жалкое судно на щепки и поглощает его.

Я слышу собственный крик, но словно издалека. Зажмуриваю глаза и пытаюсь вернуть контроль, но это бесполезно. Ужас разрывает меня изнутри и не дает ни за что ухватиться. Я захлебываюсь позаимствованным страхом Митча.

Уровень воды поднимается – черт, как же холодно! Передо мной стоит Сэм; Гейба, который по-прежнему без сознания, он закинул на плечо. Он что-то кричит, но я не могу разобрать слов. Сэм подходит ближе.

– Нам нужно убрать стол от двери!

Я молча киваю, и мы плывем к перевернутому столу. Он огромен!

– Эй! Помоги нам! – кричит Сэм Митчу, но тот не слушает. Мужчина будто окаменел, его тело сотрясает дрожь, пока он смотрит на льющуюся через дверь воду, словно это монстр из кошмара. Так и есть.

Я прячу свой собственный страх как можно глубже и сосредоточиваюсь на том, как бы выйти отсюда живой.

– Тяни на счет три! – говорит Сэм. – Раз, два, три!

Мы с Сэмом дергаем стол на себя, но он застрял между двумя полками по бокам от двери.

Вода уже достает до моих ключиц, сбивая меня с равновесия и лишая воздуха.

Сэм поправляет Гейба на плече, чтобы тот не погрузился под воду.

– Давай я попробую снизу, – сиплю я, а затем делаю глубокий вдох и ныряю.

Я открываю глаза, но почти ничего не вижу из-за клубящегося песка. В рот и нос попадает соленая вода. Естественно – Митч боялся океана, и именно его я и создала. Я тяну за ножку стола, но ничего не выходит. Она застряла.

Выныриваю на поверхность. Осталось всего несколько сантиметров воздуха. Флуоресцентные светильники мигают и гаснут, и все погружается во мрак.

– Нужно попробовать через другую дверь. Возможно, вода пропустит нас в зал, когда полностью затопит кухню, – пыхтя, произносит Сэм.

Но я знаю, что это не сработает, поскольку до сих пор чувствую, как в груди свирепствует страх – зеркальное отражение водного потока, рвущегося через дверь. Он не остановится, пока я его не заставлю.

Мы умрем из-за моего страха. Потому что мне хватило глупости на одну секунду подумать, что это что-либо иное, кроме как проклятие.

Вода поднимается над моим ртом. Я вдыхаю побольше воздуха, задевая губами резиновое покрытие потолка, и ныряю.

Позволяю себе погрузиться до самого дна. Здесь так холодно, что я уже даже не дрожу. Моя спина касается пола, течение колышет волосы во все стороны.

Я еще раз пробую потянуть стол на себя, но он не двигается с места.

Голову наполняет чуть ли не успокаивающий рокот бегущей воды. Ужас пульсирует по всему телу, вдалеке слышно эхо криков мамы Митча – остатки его страха, который по-прежнему нас объединяет.

Все должно было закончиться иначе. Я не готова к такому концу. Мои легкие горят, при вопле с моих губ срываются пузырьки. Я со всей силы дергаю за край стола. Тщетно.

Я замираю. Вода уже даже не кажется холодной. Это дурной знак, верно?

Интересно, узнает ли когда-нибудь моя семья о произошедшем? Приедут ли, чтобы опознать тело? Отстойная из меня дочь – мало того что разбила им сердце, так еще и заставляю ехать за мной в такую даль. Разумеется, это не единственная причина. Я представляю свою маму, улыбающуюся с трибун во время игр. Своего отца, сидящего по другую сторону костра на пляже. Слышу визгливый смех Кармен, когда Джек продевает руки через штанины шорт и

гоняется за ней по кухне.

Мое сердцебиение замедляется. Все замедляется.

А затем пламя в животе утихает. Я все так же напугана, но паника постепенно теряет хватку на моем позвоночнике. Пусть и на мгновение, но этого перерыва достаточно, чтобы совладать со своим страхом.

Пусть всего на секунду, но теперь я контролирую его, а не наоборот.

Я тяну за ножку стола, и та поддается. Страх не только потерял хватку, но и опору в этом мире. Я отодвигаю стол и отталкиваюсь от пола по направлению к двери. Отвожу затвор и со всей силы тяну дверь на себя. Мне удастся приоткрыть ее на пару сантиметров, но этого недостаточно. Во мне вновь вспыхивает ужас. И тут рядом возникает Сэм. Ощущение от того, что я не одна, что кто-то борется вместе со мной, ненадолго приглушает страх, по-прежнему вращающийся в моей груди. Но это все, что нам требуется.

Сэм обхватывает пальцами край двери и тащит на себя.

Вода выносит нас потоком в темную ночь и на парковку.

Я падаю на асфальт, и все вокруг чернеет.

4

Вплоть до пятнадцати лет худшим поступком, который я совершала, была покупка пары стрингов тайком от мамы. Худшее, что я видела, это когда моя подруга Линдси нашла труп своего кота в канаве за домом.

Моя жизнь была сладкой, как фраппучино, – репетиции группы поддержки, ночевки у подружек по пятницам.

Я играла с младшей сестрой Айрис и младшим братом Джеком. Кармен была старшей, и мы сочли своим долгом выводить ее из себя так часто, как только это возможно.

Вплоть до пятнадцати лет вся моя жизнь строилась на лжи.

Я выросла на сказках об аномалах. Как, впрочем, и все. По мне, это самая странная часть. Я росла на историях о фриках, чудаках – аномалах, – волшебниках. Мы говорили о них как о ненормальных, но все хотели знать, каково владеть такой силой. Помню, как шутила о самых чудаковатых из них. Один мальчик понял, что может прикосновением руки взорвать пакет с попкорном, а одна девочка могла разбить стекло своим голосом. С наступлением темноты дети в лагерях рассказывали друг другу ужастики: например, о девочке, которая однажды проснулась с желтыми глазами и такой сильной жаждой крови, что разорвала на кусочки собственную собаку. Эти истории еще долго не давали мне уснуть, хотя я и смеялась над ними у костра.

Но в этих сказках всегда присутствовал герой... тот, кто не даст аномалам причинить нам вред. Смотрители – аномалы, которые защищают человечество. Тени в черном, заботящиеся о том, чтобы обычные люди всегда находились в безопасности от магии.

Большую часть моей жизни эти истории были просто хохмой, которую мы нашептывали в темноте, лежа в спальниках на ночевках. Пока однажды утром я не проснулась с пульсацией в ладонях, которая будто цеплялась за других людей... будто она каким-то образом проникала в них.

Я отрицала это так долго, как только могла. Но, лежа в своей кровати ночами, гадала: а не правдивы ли эти истории? Родители рассказывают детям о Санта-Клаусе, зная, что однажды те поймут, что это просто игра – приятная деталь, которая скрасит их детство, сделает его более удивительным и волшебным. Когда же под моей кожей начало пульсировать острое, гудящее нечто, я задумалась: а не рассчитывали ли родители, что когда-нибудь мы поймем обратное об аномалах – что они реальны? Не рассказывали ли нам, что это просто сказки, чтобы сделать наше детство безопасным и беззаботным, насколько это возможно?

Я молила родителей отвезти меня к врачу и надеялась, что это окажется просто защемлением нерва из-за тренировок. Но в больнице сказали, что со мной все в порядке. Дальше меня отвели к психологу, который был убежден, что я просто нервничала из-за поступления в колледж и потому устраивала сцены.

«Все в порядке, Веспер», – шептала мне мама. Но я испытывала сильную жажду и боялась, что не смогу ее контролировать.

Одним вечером папа усадил меня на диван и сказал сделать это с ним – чего бы я там ни боялась сделать.

– Ты же это не всерьез, пап, – помню, сказала я.

Он опустил руки на колени.

– Как раз наоборот. Я хочу показать, что тебе нечего бояться.

Я подняла покалывающую ладонь, по моей крови курсировала угроза. Сосредоточилась...

Но ничего не произошло. Моя сила будто выдохлась. Я опустила взгляд на руку.

– Видишь? Тебе не о чем беспокоиться, – сказал папа.

Дело было не в том, что я сдержала свои способности. Просто что-то куда большее, чем я, не давало мне показать их остальным.

Но в День независимости все изменилось.

В тот вечер моя сила словно озверела. Я чувствовала голодную, стреляющую боль в кончиках пальцев, которая тянулась к моей груди. Последнее, чего мне хотелось, это идти на вечеринку у озера в честь праздника, но туда собиралась вся моя семья, и я понимала, что отвертеться будет труднее, чем просто согласиться.

Прямо перед салютом Линдси схватила меня за руку. Она нашла лучшую точку обзора у воды. При прикосновении ее кожи это голодное нечто выпрыгнуло и

обвилось вокруг Линдси, а она и не заметила. Помню, как смотрела на нее, пока она рассказывала о красавчике новом спасателе, не имея ни малейшего представления о том, что я сделала. Совершенно не подозревая, что, если бы захотела, я могла спустить на нее этого голодного монстра. Я замерла и затаила дыхание. Если не двигаться, я могла сдерживать его – вяло обвитого вокруг всего тела Линдси в ожидании приказов. Я выдавила, что мне нужно в туалет, и договорилась встретиться с ней через пару минут.

Кто-то позвал Линдси по имени, и она убежала, вырвавшись из моей хватки. Сила вернулась ко мне со скоростью молнии, и я упала на песок, держась за грудь. В ней, словно буря, нарастали всхлипы.

В таком состоянии и обнаружил меня отец спустя несколько минут.

– Оно настоящее! Я знаю, что вы с мамой мне не верите, но оно настоящее! – с трудом произнесла я.

Он попытался меня успокоить. Смахнул волосы со лба, как делал всегда, когда я болела в детстве. В тысячный раз попытался убедить, что это невозможно. Я резко встала, осколки ракушек впились мне в ладони.

Затем протянула руку, позволяя силе выползти из нее. Вспоминая тот момент сейчас, я понимаю, насколько это было опасно. Но тогда я действовала не задумываясь – мне просто хотелось, чтобы папа мне поверил. Он не мог предотвратить это, если не считал мои слова правдой.

Когда сила обхватила его, папины глаза округлились, а с губ сорвался сдавленный звук. В моей голове возник туманный образ чего-то темного, похожего на чернила. Ноздри наполнились запахом влажного камня и чего-то медного. Металлического.

Крови.

Я увидела мужчину в черном костюме, идущего ко мне спиной по переулку. Он остановился у двери под зеленой неоновой вывеской: «Ломбард Сью».

– Вечер, остановись, – услышала я папин голос, но он доносился издалека.

Мужчина в костюме начал оборачиваться. Что-то говорить.

– Веспер! – рявкнул отец, трясая меня за плечи. Я вернулась к озеру, лицо папы оказалось в сантиметрах от моего.

И тогда я поняла, что не ошиблась. Мое горе отразилось в его голубых глазах – той же формы и оттенка, что и мои.

– Что со мной происходит? – со всхлипом спросила я.

Он крепко прижал меня к груди. Над нами взорвались фейерверки. Со стороны озера слышались крики и радостные возгласы, но звуки вольного и беспечного веселья казались неправильными на фоне тревожной мысли, притаившейся на задворках моего сознания.

Я далеко не свободна.

5

Должно быть, я пролежала какое-то время в отключке. Я открываю глаза, моя щека прижата к мокрому асфальту. По мне стекает вода – остатки потока, направленного на Митча. Легкий ветерок ерошит деревья над головой, но для меня он как лезвие бритвы, режущее мою обнаженную кожу. Я поднимаюсь на ноги и вспоминаю, что только что произошло. Мои мысли с клацаньем соединяются воедино, как кусочки домино.

Сэм. Гейб. Митч.

Моя грудь сжимается, и я поворачиваюсь.

Сэм стоит в десяти шагах от меня, прижимаясь спиной к дереву на краю парковки. Гейб лежит рядом.

– Ты цел? – спрашиваю я, подходя ближе.

Я игнорирую его странный взгляд. Игнорирую то, как скрипят мои кеды при ходьбе и увязают в грязи с каждым шагом. Если и есть что-то хуже этого чувства полной уязвимости, то я не знаю что. Мне не хочется поднимать глаза. Не хочется отвечать на вопросы: «Что это было? Как ты это сделала?» Или еще хуже, мне не хочется видеть его страх. Как он будет избегать моего взгляда и искать ближайший путь к отступлению.

Сэм кивает на Гейба.

– Он дышит.

И на этом все.

Никаких вопросов. Никакой паники. Теперь я понимаю, почему он так на меня смотрит. Большинство людей, которым рассказывали истории об аномалах, перерастают и забывают их наряду со всем остальным, что перерастают дети. Но есть и те, кто не может просто отмахнуться от этих рассказов. По глазам Сэма я вижу, что он один из таких. Интересно, кто это в его случае? Член семьи? Друг? Я присматриваюсь. Возможно, он сам аномал?

– Нужно отвезти его в больницу, – говорю я.

Может, он сам с этим справится. Это даст мне достаточно времени, чтобы исчезнуть до приезда полиции. А также, возможно, службы береговой охраны. Кого обычно вызывают, когда гигантская приливная волна проносится по парковке? Сомневаюсь, что для таких случаев существует протокол.

Сэм снимает толстовку и накидывает ее на плечи Гейба. На нем черная майка с надписью «Дункан» спереди. Его широкие плечи испещряют синяки и шрамы. Сэм медленно встает и поворачивается ко мне. Увидев выражение его лица, я невольно отступаю на шаг. Это что-то среднее между яростью и неверием.

– Что это было? – спрашивает он.

– Трубу прорвало, – с легкостью вру я, хоть и знаю, что он на это не купится.

– Фигня, – парирует Сэм, делая шаг в мою сторону.

– Я не обязана тебе ничего объяснять. Кстати, можешь не благодарить за свою уцелевшую мордашку, – говорю я, отказываясь отступить, вероятно, из довольно ошибочных принципов. Нет, я твердо стою на месте, надеясь, что выгляжу увереннее, чем себя чувствую. – Поскольку твой непродуманный план чуть не привел к твоей смерти.

– Что-то я не пойму, чем был лучше твой полностью продуманный план, который чуть не привел к смерти всех присутствующих?

– Избавь меня от своего героизма, – огрызаюсь я, хоть и отлично понимаю, что в этой борьбе у меня нет морального превосходства. Моя сила как монстр, беспокойно ворочающийся внутри меня с той самой ночи, как я сбежала. Я использовала ее из паники, но стоило догадаться, что мне не удастся ее контролировать.

Что-то привлекает внимание Сэма, и он оборачивается на звук кашля. Митч. Мне не хочется оглядываться через плечо. Иначе я увижу степень нанесенного мною вреда.

Я кривлюсь и поворачиваюсь.

Ага. Все плохо, как я и думала. Машины на парковке погружаются в грязь, металл скрежещет по металлу. Задняя дверь кафе висит на одной петле. На краю затопленной парковки я вижу Митча, отталкивающегося руками от асфальта, чтобы сесть. Он откашливается, сплевывает, бранится и определенно переживает нервный срыв, но зато он жив. У меня мало времени. Митч не двигается, не пытается сбежать. Просто оглядывается. Заметив меня, он вздрагивает и утыкается взглядом в землю. Ветер доносит до меня вой сирен. Я медленно подхожу ближе и присаживаюсь рядом с Митчем.

Его глаза округляются. В своей прострации он похож на котенка с остриженными когтями. Я почти ему сочувствую.

Но недостаточно.

– Что случилось? – спрашивает он писклявым и срывающимся голосом.

Я догадываюсь, что он ищет во мне утешения, ответов. Я могу сделать так, чтобы ему стало легче. Могу ослабить эту чернильно-черную панику, которая будет наступать ему на пятки следующие несколько месяцев – а может, и лет.

Не-е. Если мне стыдно за содеянное, то и ему должно быть стыдно. Я подаюсь вперед.

– Ты покинешь этот город и никому не расскажешь, что видел. Ясно?

Он смотрит на меня со смесью страха, восхищения и едва скрываемого презрения.

– Ты не должна находиться среди обычных людей. Тебя должны запереть в каком-то правительственном учреждении.

Мои губы расплываются в улыбке, а лицо приобретает немного безумный вид, но я не имею ничего против такого образа. Его замешательство сменяется страхом. Из меня вырывается тихий смешок.

– Твоя правда. Давай так – мы сдадимся властям вместе. Так тебя устроит? Они возьмут нас в обработку и задержат минимум на ночь, прежде чем наши пути разойдутся. Полным-полно времени, чтобы ты таинственным образом захлебнулся туалетной водой в собственной камере. Или же ты можешь закрыть рот и исчезнуть.

Все же страх побеждает, и мужчина неохотно кивает. Я хлопаю его по плечу, и он морщится. Затем встаю и на секунду окидываю взглядом человека, который с легкостью и без зазрений совести забрал бы чужую жизнь.

– Если я еще раз увижу тебя поблизости, Митч, ты даже не заметишь, когда я приду за тобой.

Он поднимает голову, делает глубокий вдох и выпаливает:

– Да что ты такое?

Значит, он понятия не имеет, кто я, так даже лучше. Я выдавливаю скромную улыбку и делаю пару шагов назад, от всей души надеясь, что не запутаюсь в развязанных шнурках своих кедов.

Ему вовсе не обязательно знать, что я аномал. И уж точно не нужно рассказывать, что я предвестница – аномал, который материализует худшие страхи людей.

Вернувшись в тень, я поворачиваюсь к Митчу спиной. Сэм так странно посматривает на меня, что мне хочется скрестить руки на груди, но он не боится. И тут я понимаю, что в каком-то смысле предпочитаю страх. Что бы ни значил этот пронизательный взгляд, мне он не нравится.

– Тебе лучше уйти, – медленно произносит Сэм. – Я позабочусь о безопасности Гейба.

Позади слышится шорох – Митч безуспешно пытается выбраться из плотного слоя грязи. Далеко он не уйдет.

Мне хочется спросить, почему он готов прикрыть меня, но я подавляю это желание.

Несмотря на огромный имущественный ущерб, кажется, мне даже удастся выйти сухой из воды, фигурально выражаясь. Митч ничего не расскажет. Сэм прикроет меня. Я смогу купить билет из города, уехать в Пейнс-Крик и исчезнуть.

На секунду мой разум возвращается к моменту до того, как я потеряла контроль; когда вода повиновалась моей воле, а моя сила была просто... силой. Я была за главную.

Я выбрасываю эту мысль из головы – глупо на что-то надеяться в данном случае. Мне нельзя загораться даже обыкновенной надеждой, что уж говорить о глупой. От предвестников ничего хорошего не жди. Мы приносим лишь страх. Поэтому мой лучший вариант, который не принесет никому вреда, подразумевает жизнь в тених до самой смерти. Если справлюсь, все будет хорошо.

Вот о чем я размышляю, когда вой сирен и какие-то крики возвращают меня в реальность. Парковку окружают медики, копы и пожарные; бежать некуда. Я чувствую яркий свет фар, холодную ночь прорезают два худших слова, которые только можно представить:

– Полиция! Стоять!

И былого оптимизма как не бывало.

Папа сказал маме, что мне нездоровится и он отвезет меня домой. Я свернулась клубком на заднем сиденье и наблюдала, как дым от фейерверков расплывается на фоне залитого лунным сиянием неба, пока мы ехали домой в полном молчании.

Только оказавшись в безопасности его кабинета, отец наконец посмотрел на меня. Затем начал рыться в ящиках. Открыл ноутбук и яростно застучал по клавишам.

– Кое-что произошло, – сказал он.

– Что? – спросила я с нарастающим, как крик, раздражением.

Папа присел передо мной. Сделал глубокий вдох и расстегнул две верхние пуговицы рубашки.

– Ты знаешь, откуда это взялось, – больше заявил он, чем спросил. Я знала его историю. Все знали.

Прямо под его правой ключицей кожа шла розовыми буграми, которые скручивались и сплетались, образуя шрам размером с тарелку – вечное напоминание о несчастном случае на мотоцикле, который чуть не привел к его смерти. Ему было двадцать, и это произошло прямо после знакомства с мамой. Отец пролежал в коме больше месяца.

Я кивнула, а он помотал головой.

– Не знаешь. Это ложь.

Первая из множества.

6

Мой лоб прижат к кирпичной стене кафе «Алоэ», руки заведены за голову, пока меня обыскивает офицер полиции, которая выглядит старше моей матери. Я даже не могу определить, дрожу ли я от страха или от холода. Сесть на тот автобус было худшей ошибкой, которую я совершала с тех пор, как решила попробовать суши на автозаправке два месяца назад. Если все же выберусь из этой катастрофы, то спрячу свой зад в какой-нибудь глухомани. Буду работать на заводе и хранить молчание до самой смерти.

– Это просто мера предосторожности. Мы понятия не имеем, что здесь произошло, так что оставайся на месте, пока мы все не выясним, – говорит офицер, надевая наручники на мои запястья и закрепляя их на водосточной трубе. Затем прищуренно на меня смотрит и деловито откидывает косу за спину.

– В смысле «что здесь произошло»? Просто трубу прорвало, – подает голос Сэм, который стоит рядом в той же позе, что и я.

Еще один коп пинает размокшую буханку хлеба на асфальте и принимается обыскивать ноги Сэма.

– Нехило же ее прорвало, – говорит он, поглядывая на офицера, который надел на меня наручники. Они нам не верят. Женщина встречается со мной взглядом, пока второй коп заканчивает обыскивать Сэма и ведет его к патрульной машине.

Вдруг ночь рассекает громкий звук. Одна из фар на патрульной машине с треском разбивается.

Затем еще одна.

Все происходит так быстро, что я не вижу, чем это спровоцировано. Все фонари вокруг парковки гаснут, и мы остаемся в кромешной темноте; в густом тумане сияние городских огней выглядит не более чем смутным обещанием. Раздаются крики и щелканье затворов пистолетов. Я поднимаю голову – на краю крыши кафе появляется девушка с короткими черными волосами и вскидывает руки. По нам прокатывается волной странный гул. Давление в голове меняется, уши закладывает.

– Куда они подевались? – кричит офицер позади меня.

Она смотрит, но не видит меня. Что-то блокирует ей зрение. Ее слова приглушаются, будто между нами плотная стеклянная стена. Я едва ее слышу. Та девушка наверху затенила нас – закрыла обзор. Я натягиваю наручники, чтобы оглянуться через плечо. Не знаю, зачем и почему мне не все равно, но я поворачиваюсь к Сэму. Его тоже не слышно, невидящий взгляд парня проходит мимо меня.

– Мадам, эти люди вам докучают? – слышится голос из темноты.

Из теней выходит незнакомец. Он высокий и широкий, с темной кожей, которая светится в оранжевом свете. Его черные волосы собраны в низкий хвостик, руки расписаны татуировками.

– Я же предупреждала – никаких попыток острить, Олдрик! Одна нога здесь – другая там, – кричит девушка-тенеформ с крыши. Ее руки дрожат.

– Я просто стараюсь быть вежливым. Бо-о-оже, Аланна! – парирует Олдрик, имитируя деревенский говор.

– Позволь перефразирую – поторапливайся, черт возьми!

– Вы кто такие? – спрашиваю я, пытаюсь отойти как можно дальше, впрочем, наручники – серьезная помеха в этом деле.

Незнакомец подходит ближе, и я вижу, что он немногим старше меня. Он сжимает кулаки и разводит руки в стороны. Его кожа растягивается и идет трещинами, приобретая пепельно-серый оттенок. Татуировки блекнут,

превращаясь в слабые очертания. Он – камнекожий.

– Хорошие ребята, – он снимает цепочку с трубы и освобождает меня от наручников. Металл крошится в его пальцах, как кренделек.

– «Хорошие ребята»? Мне, по-твоему, сколько, двенадцать? – огрызаюсь я.

– Сейчас не время спорить о сложной природе добра и зла, так что я просто начну с основных моментов, лады? Ты – аномал. Мы – аномалы. Тебя арестовали. А теперь освободили. Ну что, пойдём? – Парень показывает рукой на переулок, а я решаю, что с меня хватит «уморительных» бесед с особями мужского пола на сегодня. Да и на всю жизнь.

– Тео! – зовет Аланна.

Офицер со светлой косой поднимает пистолет и приближается к нам, на секунду прорываясь сквозь тень. Аланна вскрикивает, когда ее барьер рушится, и полицейские вновь могут нас видеть. Из темного переулка за кафе выстреливает раскаленная струя чего-то, что напоминает красноватое жидкое стекло, и выбивает пистолет из руки женщины. Судя по выражению ужаса на ее лице, она понятия не имеет, что вырвало оружие из ее ладони. Змея из стекла снова делает выпад, и второй полицейский тоже теряет хватку на пистолете. Крики продолжаются, все превращается в хаос, но Олдрик убегает, и я следую за ним. Затем резко торможу, размахивая руками, и оборачиваюсь. Сэм по-прежнему стоит у патрульной машины, его глаза округлились от замешательства.

– Я не могу бросить его! – кричу я Олдрику.

При звуке моего голоса тот останавливается, берет меня за руку и тащит за собой.

– Это не ему грозит отведать пулю, дорогуша.

Я сглатываю отвратительное чувство, что бросаю на произвол человека, который пытался мне помочь, и мы продолжаем бежать за струйкой стекла, ползущей обратно к хозяину. Из тени выходит темнокожий парень, и стекло возвращается в его ладонь. Я слышала об остекловах, но никогда их не встречала. Он может

превращать воздух вокруг себя в стекло – вот что разбило фары.

Остеклов – Тео – смотрит на крышу, и Аланна прыгает, вновь вскидывая руки. Гул вернулся – мы снова затенены. Парень по имени Тео поднимает руки, и под ногами Аланны образуются и размножаются диски из голубого стекла, создавая ступеньки с крыши. Она мягко приземляется на асфальт, но ее руки дрожат.

– Я почти выдохлась, – говорит она.

Мы бежим до конца проулка, Аланна продолжает держать руку за спиной, блокируя обзор полицейским. Перед нами широкая улица, над головами пересекаются провода трамваев. Впереди жмутся друг к другу разноцветные дома, на углу расположен ярко-синий винный магазин с мигающей неоновой вывеской. Эта улица более открытая; похоже, в театре на другом конце как раз закончился спектакль. Тут десятки людей. Аланна ни за что не спрячет нас от всех.

Только я собралась сказать им, чтобы оставили меня и бежали, как ночь пронзает визг шин. Мы поворачиваемся к белому фургону, выезжающему из-за угла, и он с визгом тормозит прямо перед нами. Водительская дверь открывается, и с нее свешивается девушка, одной рукой держась руль, а другой – за крепление на крыше. Ее длинные иссиня-черные волосы развеваются от ночного ветра.

– Время ехать! – кричит она, выпрыгивая из фургона.

– Я теряю... – слова Аланны затихают, и она теряет сознание. Тео подхватывает ее, позади все громче раздаются крики заметивших нас полицейских.

Женщина, которая надела на меня наручники, поднимает «Тазер» и стреляет в нашего водителя.

Олдрик кричит, а я прыгаю и сбиваю девушку в сторону. Мы уходим из зоны обстрела, и офицер ругается себе под нос. Я помогаю девушке подняться, и мы бежим к фургону.

Тео резко распахивает дверь, а Олдрик возвращается в проулок, попутно широко разводя руки, и его кожа с громоподобным треском превращается в камень.

Парень швыряет один мусорный бак на землю и поднимает другой, укладывая их друг на друга, пока они не закрывают собой весь проход. Олдрик поворачивается к нам с триумфальной улыбкой на лице и мчится к фургону, а его кожа вновь становится нормальной. Полицейские заперты за баррикадой. У них не уйдет много времени, чтобы обойти ее, но это даст нам пару минут форы.

Олдрик запрыгивает на пассажирское место.

– Забирайся, гейзер ты наш, – говорит он мне.

Осознав, что у меня нет выбора, я сажусь в фургон.

7

Я сижу на заднем сиденье и гадаю, как эта ночь полетела ко всем чертям. Девушка, которую Олдрик назвал Сапфирой, везет нас по улицам и явно относится к дорожным знакам больше как к рекомендациям, чем к правилам.

Тео и Аланна сидят в среднем ряду, ее голова покоится на его коленях.

– С ней все будет в порядке? – тихо интересуюсь я, и Тео оглядывается через плечо.

– Она исчерпала себя, пытаюсь затенить столько людей одновременно, – объясняет он.

Его очки сползают с переносицы. Тео морщит нос, пытаюсь подвинуть их выше, и смотрит на меня с таким презрением, на какое только способен человек со сморщенным носом. Пятерочка тебе за старания, чувак.

– Ей было бы гораздо лучше, если бы мы перехватили тебя на автовокзале, как я и предлагал, – чеканит Тео, повышая голос, и я понимаю, что он скорее обращается к Олдрику с Сапфирой, чем ко мне.

– На автовокзале? – переспрашиваю я, вспоминая ранние события этого вечера. Не могу поверить, что еще недавно я была в автобусе. Впечатление, что с того момента прошли годы. Но я помню чувство, будто меня кто-то преследовал. – Так это были вы?! – Мой тон сочится злостью. – Вы напугали меня до чертиков!

Так и знала, что там кто-то был!

– В Сан-Франциско приезжает много аномалов. Десятки в неделю со дня Переполоха. Тебе повезло, что мы нашли тебя раньше, чем кто-то другой, – отвечает Тео, ласково убирая прядь с лица Аланны.

– Переполоха? – вопрошаю я. Мне уже не нравится, как это звучит. Будто название фильма М. Найта Шьямалана [1 – Манодж Неллия?тту «М. Найт» Шьямала?н – американский кинорежиссер и сценарист индийского происхождения, известный своими мистическими триллерами.].

– В День независимости. Два года назад, – поясняет Олдрик, ерзая на сиденье. По моей спине пробегают мурашки. – Значит, ты знаешь, о чем я говорю? – спрашивает он, прежде чем я успеваю вернуть равнодушное выражение лица, и по его губам скользит улыбка.

Это случилось не только со мной. Я это знала, но странно слышать подтверждение от кого-то еще. В ту ночь я использовала свои силы на отца. У меня так и не получилось узнать, что же в действительности тогда произошло.

«Но какая теперь разница?» – спрашивает тоненький голосок с задворок моего сознания.

Я откидываю голову на потертое виниловое сиденье. Кто-то нарисовал горящий цветок королевы ядов на внутренней стороне крыши фургона. Это уже как-то слишком.

– Что ж, ладно. Можете высадить меня на следующем светофоре, пожалуйста?

Все поворачиваются ко мне, кроме Сапфиры, которая прожигает меня взглядом через зеркало заднего вида. Ее голубые, как лед, глаза ничего не выражают, пока фургон сворачивает влево... ближе к побережью.

– Вот так благодарность, – протягивает Олдрик, вскидывая бровь.

– Я не собираюсь ехать с вами в какой-то секретный штаб, чтобы планировать революцию против зрителей. Уж лучше я попытаю счастья с полицией.

Олдрик склоняет голову набок и недоуменно хмурится, глядя на Тео.

– Тео, ты планируешь революцию?

– Нет, насколько я знаю. А ты, Сапфира?

Та отрывается от дороги, чтобы оглянуться на нас. На ее губах играет улыбка, пока мы останавливаемся на красный свет.

– Всегда. Но против зрителей? Нет.

Она включает поворотник, чтобы переместиться в другой ряд, поскольку впереди ведутся дорожные работы. Я показываю на рисунок на крыше.

– Нет?

Олдрик вытягивает шею.

– А, ты об этом. Что ж, так мы празднуем нашу свободу. Зрителей больше нет.

– Или же они просто выжидают подходящего момента. Такое уже случилось раньше.

– Ого! А они здорово тебя напугали.

– Если не боишься зрителей, то ты идиот, – огрызаюсь я. – Они и прежде уходили в подполье. А когда возвращались, то не особенно любезничали с теми, кто бросал им вызов.

Я говорю прямо как мой отец.

– На этот раз все по-другому, дорогуша, – говорит Олдрик, поворачиваясь к лобовому стеклу. – Наступил новый день.

Возможно, он и прав. Тот факт, что теперь мы можем показывать свои способности людям, хотя раньше это было невозможно, что-то да говорит. Вдруг зрители просто решили перестать прибавлять цветов королевы ядов к дверям? Вдруг они перестали устранять тех из нас, кто представлял угрозу для тайны?

Но даже пока я прокручиваю эти слова у себя в голове, в моем горле пульсирует другая мысль.

Сомнительно.

– Черт, – сплевывает Сапфира, когда движение машин замедляется.

Я выглядываю в окно. Вдоль дороги выстроились строительные бригады. С крана свисает огромная стена из матового защитного покрытия, скрывая работу от чужих глаз.

– Нужно было напомнить тебе не ехать этим путем. Пробка тянется на следующие шесть кварталов, – говорит Тео.

– Ага, спасибо за своевременную помощь, Тео, – рывкает Сапфира через плечо и вновь меняет ряд. Затем проверяет слепую зону и давит на газ.

– Куда вы меня везете? – спрашиваю я. При мысли о зрителях по моему горлу поднимается обжигающий страх, и мне нужно отвлечься.

– В «Грот», – отвечает Тео, оглядываясь на меня. – Штаб сопротивления. – Театрально разводит руки и по-дурацки салютует мне. Этот парень что, смеется

надо мной?

Я закатываю глаза.

– В укрытие?

– Что-то типа того, – кивает он и вновь поворачивается вперед.

Я долго пробыла в бегах и видела разные способы выживания, которым научились аномалы. Укрытия – один из них. Все аномалы используют свои способности, чтобы защищать друг друга и сохранять в тайне свой дом. Одного поля фрики, я полагаю. Я наткнулась на один такой в Портленде, действующий в заброшенной обувной фабрике, и жившие там аномалы целых шесть месяцев выдавали себя за строительную бригаду. Время от времени я встречаю доброго и наивного незнакомца, который думает, что я стану неплохим дополнением к его общине. Я всегда им отказываю, ссылаясь на то, что я волк-одиночка, хотя это полная чушь. Я ненавижу быть одна. Ненавижу, когда мой голос ломается и хрипит, потому что я давно ни с кем не общалась. Мне бы очень хотелось влиться в такое сообщество. Снова завести друзей. Чтобы меня знали до самых теней, прилегающих к костям. Но моя сила слишком опасна.

– Это место, где живут крутые ребята, дорогуша, – кричит Олдрик через плечо. – А своей выходкой с мини-потопом ты как раз прошла отбор. Устраивайся поудобнее, мы скоро прибудем туда.

Они не понимают, о чем говорят. Не знают, кто я такая.

– Меня зовут Веспер [2 - Веспер – римский аналог Геспера, олицетворение вечерней звезды (Венеры); вечерняя молитва.], – парирую я. – Избавь меня от своей «дорогуши». – Он уже второй раз назвал меня так. Я сыта по горло этой фигней.

– Веспер? – Аланна сонно приподымается и трет лоб. – Я ненавижу прозвища Олдрика, но даже я бы предпочла быть дорогушей, чем Веспер.

Я закусываю губу и откидываюсь на спинку сиденья. Сапфира везет нас через ржавые ворота. Над входом просверлили отверстия для таблички, на которой

написано розовой краской из баллончика:

Оставь надежду,

всяк тупица сюда входящий.

Я переночую с ними, соберусь с силами и утром уйду. Как бы мне ни претило это признавать, я истощена. А с учетом всех решений, которые я приняла за этот вечер? Считайте меня тупицей.

Точно не помню, какие слова использовал мой отец в ту ночь, когда полностью разрушил мою жизнь. Я находилась в таком шоке, что слова просто витали вокруг меня, отказываясь проникать в голову и укореняться в ней. Но я отчетливо помню тот момент, когда он сказал, что я – предвестница.

Помню, как закричала на него, спрашивая, откуда он знает и как может быть таким спокойным.

Помню, как он ответил, что тоже когда-то им был.

Помню, как пол накренился, воздух опалял меня с каждым вдохом.

По моим щекам катились слезы, собираясь в складочке между крепко поджатыми губами. Он врал мне. Он на протяжении многих месяцев знал, что происходит, и ни слова не сказал.

– Был? – наконец спросила я с зарождающейся в груди надеждой. – От этого можно избавиться?

Скорбь в его глазах мигом ее погубила.

– Нет, Вес.

Я просто сидела, позволяя тяжести разочарования закатать меня в цемент. Такой вязкий. Липкий. Смертельный.

Папа потянулся к столу за блокнотом и ручкой и начал говорить своим фирменным голосом юриста, будто понял, что я расклеиваюсь и мне нужна какая-то опора.

– Но ты можешь научиться это контролировать.

Тогда я подняла голову, и во мне загорелся уголек надежды.

Мы сказали, что работаем над проектом по английскому языку, но вместо этого отец вводил меня в курс теневого мира, существовавшего внутри и под нашим.

От него я узнала, что мы бываем разных видов. Их минимум десятки. А может, и сотни. Их называют кланами. У каждого свои способности, и все появились в разных уголках карты.

Камнекожие – на тихоокеанских островах. Миазмы – в Центральной Америке. Вертиазмы – в Эфиопии. «Аномалы существовали всегда, – объяснил он. – Просто нужно было знать, где искать».

Я узнала, что у аномалов свои войны, свои мифы – свои герои и злодеи. Тайные истории, спрятанные между камнями и закопанные в безымянные могилы. Они жили параллельно моему миру, скользя рядом с избитыми сюжетами, которым нас учили на уроках истории. Я впитывала в себя информацию и училась всему, чему могла. Аномалы помогли Эдисону изобрести лампочку. Перевертыши оказывали помощь в знаменитой поисково-спасательной миссии во время Второй мировой войны.

Еще у нас были собственные кошмары – собственные монстры и ночные страхи.

А затем одной ночью разразилась гроза, и отец рассказал мне о зрителях.

Никто не знает, когда они появились. Не то чтобы они устроили тайную церемонию, где чувак надел капюшон на голову и решил написать закон для

аномалов.

Мы знаем лишь то, что какие-то аномалы сплотились и пришли к выводу, что, дабы жить в мире и спокойствии, нам нужно не высовываться. Слиться с тенью.

Это не было просьбой.

Все начинается с предупреждения – с лилового аконита, или королевы ядов, прибитого к двери. Прямо за лепестки. «Мы тебя заметили», – значит он.

И второго шанса не будет.

Объясняя все это, отец расхаживал перед своим рабочим столом, заваленным открытыми книгами.

– На зрителей работают множество аномалов, заставляя нас молчать, но самые страшные из них – потрошители. И самые ценные, поскольку им досталась опасная работа. Они могут забрать твою силу. Отсечь ее от твоих костей, ДНК, сделать тебя ординаром. В случае определенных сил это может привести к гибели. Потрошитель прячет эту частичку тебя в банку и доставляет ее в Атенеум потрошителей; где они держат ее под замком.

Я думала, что меня напугала ситуация у озера, но это куда хуже. Даже сейчас мне нравится представлять похищенную магию в банках как светящиеся предметы декора на свадьбе в деревенском амбаре. Но только потому, что тогда все кажется не столь пугающим. В реальности, полагаю, все значительно ужасней. Поэтому отец не вдавался в подробности об этой Читальне. Суть я уловила. Библиотека, полная всех наших кровавых, самых опасных частей. Бесконечные ряды чистой силы.

Папа достал энциклопедии, которые мы с Кармен и Айрис использовали для школьных проектов, по необъяснимым причинам школа запрещала пользоваться электронными ресурсами. Он открыл их на разных страницах и повернул ко мне на столе.

– Пиза, 1347, когда внезапно ожили жертвы бубонной чумы. Нинъань, Китай, 1840, когда, как сообщалось, лагерь русских перебежчиков исчез всего за две

минуты. Три сотни палаток пропали в один момент. – Он подвинул книги, чтобы я могла лучше рассмотреть.

– И все это дело рук аномалов? – спросила я, водя пальцами по страницам.

Отец кивнул, и его волосы с проседью упали на лицо.

– Я хотел защитить тебя, Веспер. Тебя, твоих сестер и брата. Но поскольку это больше не вариант, ты должна узнать все об этом мире. Лучший способ выжить – понимать его.

– Кармен, Айрис, Джек... – начала я, но отец потупил взгляд.

– Нет, Веспер. Никто из них не аномал.

По какой-то причине это вызвало у меня облегчение. По крайней мере, им не придется через это проходить.

На протяжении многих месяцев я пребывала в стадии отрицания. Но когда моя последняя надежда зачахла, мне отчаянно захотелось ответов. Если эта штука внутри меня была реальна, то я хотела узнать ее вдоль и поперек.

Папа отдал мне свои записи. Нарисовал мне карты. Показал старые книги, спрятанные в потайном дне ящиков стола. Наша история хранилась на клочках бумаги и писалась на полях. Существовала одна древняя легенда об аномале – летописце, – который собирал наши истории в одном месте, но никто из живых не смог подтвердить его существование. Так что мы извлекали любую информацию, какую могли.

Отец открыл мне дверь в этот мир, но отказывался признаваться, что я чуть не вытащила из него. Я пыталась расспросить его о том, что успела увидеть – о переулке. Мужчине. Но тогда его взгляд становился тверже, и я понимала, что дальше давить не стоит.

Я месяцами лелеяла одну надежду, и наконец мне выпала возможность спросить о потрошителях; папа увидел выражение моего лица и быстро замотал головой, понимая, что во мне зарождается идея.

– Вот что с тобой произошло? – спросила я, показывая на шрам на его груди.

Попался. Отец сам нарвался на вопросы, которые плясали между нами в течение месяцев. Наконец он кивнул.

– Мама говорила, что ты попал в аварию на мотоцикле.

– Мама думает, что это была авария. – Он опустил взгляд и поддел пальцем странички блокнота.

– Ты хотел потерять свою силу? – прошептала я. Этот миг был настолько хрупким, будто сделанным из стекла, и я боялась разрушить его, если заговорю слишком громко. Отец посмотрел на меня с горящими глазами.

– В то время это был не мой выбор. Но сейчас? Я бы рискнул жизнью еще тысячу раз, лишь бы перестать быть предвестником, Веспер. Только так я мог жениться на твоей матери. Только так я мог завести детей, – его глаза наполнились слезами. – Когда меня лишили силы, я думал, что уже никак не смогу передать ее своим детям. – Он сделал порывистых вдох. – Мне очень жаль.

Я потянулась через блокнот и взяла его ладонь в свои холодные пальцы. Спустя пару секунд я вновь обрела голос.

– Я хочу это сделать, папа. Хочу попытаться.

Он быстро поднял голову, его глаза заблестели. Я поняла, что папа будет со мной спорить, и потому убрала руку и встала.

– Если тебе удалось это пережить, то и я смогу. Я найду потрошителя и...

Отец быстро поднялся, все намеки на слезы исчезли.

– Единственный ныне живущий потрошитель работает на зрителей, и лучше молись, чтобы никогда его не повстречать. Он не планировал оставлять меня в живых.

Мы встретились взглядами – гляделки, в которых я проигрывала с каждой секундой. Мне стало любопытно, не имеет ли к этому отношения мужчина из папиного страха. При мысли о нем по моему горлу начал подниматься густой, маслянистый ужас.

– Откуда ты столько знаешь о зрителях? – не унималась я.

На ответ я сильно не надеялась. В конце концов, я уже задавала этот вопрос десятки раз и молча вскипала от злости, когда папа менял тему. Не знаю, почему в ту ночь все сложилось иначе. Не знаю, почему он закрыл глаза – кожа вокруг них, напоминающая крепированую бумагу, выглядела тоньше, чем когда-либо. Но когда он их открыл, в его взгляде читалось горе.

И папа рассказал мне, что однажды убивал для них.

8

Я рывком просыпаюсь на заднем сиденье фургона, который теперь остановился. Часто моргаю, сердце подскакивает к горлу, глаза пытаются привыкнуть к мраку. Что-то шевелится у двери, и, подняв руку, я инстинктивно пытаюсь нащупать, за что бы ухватиться.

– Искренне не советую этого делать, – говорит Сапфира низким, чуть ли не скучающим голосом.

Когда мои глаза привыкают к темноте, я вижу, что она сидит в открытой двери машины, ее иссиня-черные волосы закинута на плечо. Позади девушки царит тьма, прерываемая вспышками мигающего света.

– Меня кто-то накачал? – спрашиваю я, не опуская руки. Пока я спала, свернувшись калачиком, у меня затекли ноги. Сапфира медленно ко мне поворачивается.

– Нет.

Что-то в простоте ответа заставляет меня ей поверить. Я была уставшей. Уже на протяжении долгих месяцев. Может, и больше. Даже не помню, когда я не была уставшей. Просто обычно я более осторожна в выборе мест, где расслабиться.

– С тобой все нормально? Я собиралась дать тебе поспать, но ты постоянно ворочалась. – Сапфира передает мне закрытую бутылку воды. Я беру ее и снимаю крышку. Девушка молчит, пока я осушаю ее.

– А почему ты «не советуешь мне этого делать»? – спрашиваю я, наконец утолив жажду. Мне немного видно территорию за окном фургона. Мы на заброшенной парковке, которая будто тянется до бесконечности во всех направлениях, освещаемая несколькими горящими мусорными бочками. Вокруг никого.

Сапфира встает и полностью открывает дверь машины. Приглашает выйти с ней.

– Потому что тебе не понравится мой страх.

Я рассматриваю ее с мгновение. На самом деле мне не очень хочется выходить в открытое пространство, когда я понятия не имею, где мы находимся, но на данном этапе все мои варианты кажутся в равной степени небезопасными.

Сапфира ждет, когда я выпрыгну вслед за ней, при приземлении на гравий мои колени слегка подкашиваются. Она берет меня за предплечье, чтобы поддержать, и я не противлюсь. Ее хватка сильнее, чем ждешь от девушки такой комплекции.

– Откуда ты знаешь, кто я?

Сапфира окидывает меня загадочным взглядом. В обычной ситуации я бы восприняла его как угрозу. В большинстве кругов предвестники – не самая желанная компания. «Привет, спасибо, что позвали! Кстати говоря, если я сильно разнервничаюсь, то могу случайно воплотить в жизнь ваши худшие кошмары... Выход там, да? Круто, можете не провожать».

– Мне ничьи страхи не нравятся, – исправляю я ее.

– Я такого и не говорила. Успокойся... Вечер, верно?

Наши взгляды встречаются. Ее глаза блестят в тусклом освещении.

– Ну и имечко.

– А ты Сапфира, верно? – парирую я.

Она смеется. Ее смех звучит довольно мелодично, и я сама невольно фыркаю.

Сапфира разворачивается и уходит, под ее тяжелыми ботинками на высоком каблуке хрустит гравий.

– Обычно Олдрик проводит экскурс, но он помогает Тео отнести Аланну к врачу.

Я отвожу глаза.

– С ней все будет хорошо?

Мне не хотелось, чтобы кто-то пострадал из-за меня сегодня. Или когда-либо. Но сегодня в особенности. Сапфира останавливается и оглядывается через плечо.

– Она сама на это подписалась. Не нужно себя корить. Она отдохнет, и ей станет лучше.

Когда я не двигаюсь с места, она делает приглашающий жест рукой.

– Мы все здесь монстры. Тебе следует перестать волноваться о том, что мы о тебе подумаем.

И, больше не оглядываясь, она идет дальше. Поскольку у меня нет плана, мне ничего не остается, кроме как последовать за ней. Кроме того, как бы мне ни претило это признавать... я заинтригована.

– Я не останусь с вами, – кричу я Сапфире, подбегая сзади.

– Все так говорят, когда впервые приходят сюда.

– И куда «сюда»? – спрашиваю я, поравнявшись с ней. – Я видела десятки укрытий... Но такого – никогда.

Губы Сапфиры расплываются в слабой, кривоватой ухмылке.

– Пятнадцать лет назад один предприниматель начал развивать свой бизнес, но спустя два года все рухнуло, когда прямо рядом с участком, глубоко в земле, обнаружили неизведанный, уже заброшенный золотой рудник. В Сан-Франциско их полно. Смотри, куда идешь, – говорит она, показывая на землю, где из асфальта торчит арматура, словно лес из голых деревьев. Мы сворачиваем влево – я следую, она ведет.

– И они просто... покинули предприятие? – спрашиваю я.

– У них не хватало денег, чтобы заполнить рудник или разобрать это место на части. – Дойдя до шахты лифта у дальней стены, она останавливается и поворачивается ко мне лицом.

– Копы знают, что вы здесь?

– Знали.

Судя по ее тону, в этой истории есть еще много нюансов, но не успеваю я задать вопрос, как Сапфира поддевает носком ботинка лом и ловит его рукой. Затем ловко его крутит, вставляет меж дверей лифта и резко дергает в сторону. Те открываются, являя шахту.

– Э-э... – начинаю я, подкрадываясь к краю и глядя вверх и вниз. – А где лифт?

Я пячусь, когда Сапфира подходит к шахте и хватается за тяговый канат.

Нет. Ни за что. Ни за какие, черт побери, коврижки.

Девушка отступает и протягивает мне канат.

– Ты же это не всерьез?

– Как для предвестницы, ты слишком многого боишься.

– Ага, – киваю я, продолжая пятиться.

– До «Грота» всего два этажа – чистый пустяк. Могу поспорить, что трамплины для прыжков в твоём загородном клубе и то выше.

– С чего ты взяла, что я была членом загородного клуба?

– А разве нет? – Сапфира вскидывает бровь.

– Не в этом дело, – ворчу я.

Она вновь протягивает канат, и я беру его в руки. Затем прыгаю в шахту, и меня обволакивает тьма, принося с собой звуки криков и музыки. Я осмеливаюсь кинуть взгляд вниз – из приоткрытой двери на нижнем этаже просачивается свет.

– Держись крепко, – советует Сапфира.

Только я собираюсь поинтересоваться, а что ещё, по её мнению, я собиралась делать, как девушка бьёт ломом по одной из шестеренок наверху, и я падаю вниз.

Живот сжимается и подскакивает к легким. Я скольжу по шахте, закрыв глаза... а затем, так же быстро, как это произошло, всё заканчивается. Мои ноги касаются земли, давя под собой листья и другой мусор, завалившийся внизу. Я даже не осознавала, что зажмурилась, пока не открыла глаза и не посмотрела вверх.

– Ты могла убить меня! – восклицаю я. Двери рядом открываются, и по металлической башне звонко прокатываются звуки музыки, криков и смеха.

Олдрик прислоняется к дверной раме, скрестив руки на груди.

– Но взгляните-ка, ты жива и прекрасна.

Во мне бурлит адреналин, кипит злость, и я делаю единственное, что приходит в голову. Показываю ему средний палец и проталкиваюсь мимо. Понятия не имею, куда иду, но больше не могу просто стоять на месте. Жест вышел удачным, с эффектным движением запястьем и все такое. Но спустя два шага я резко торможу... такого я не ожидала.

Позади приземляется Сапфира.

– Добро пожаловать в «Грот», – говорит она, становясь рядом.

Когда-то это был огромный холл роскошного отеля. Мрамор весь потрескался и пошел бугорками, люстра на потолке скособочилась, цепляясь за жизнь одной ржавой цепью, которая выглядит так, будто однажды неминуемо оторвется и убьет человека внизу. Стены покрыты гирляндами, неоновыми палочками, свечами и светящимися в темноте стикерами. Пахнет сыростью, как если бы это место решил проведать океан, застрял где-то и помер. Удивительно, но аромат не такой уж и неприятный.

Холл кишит людьми – все примерно моего возраста. Похоже, кто-то украл матрасы из недостроенных номеров наверху и выстелил их во впалой выемке в полу слева, создав мягкую яму. Там рыжеволосая белая девушка и долговязый черный паренек с мерцающими красными татуировками тренируются метать друг в друга огонь и воду из ладоней. Подумаешь, ничего необычного. В другой части помещения, сквозь треснутые окна, я вижу нескольких скейтбордистов, использующих пустой бассейн в качестве рампы. Вдоль стен выстроились диваны – аномалы сидят по краям или на коленях друг у друга, целуются, болтают и смеются, и вообще ведут себя так, словно это абсолютно нормально.

– Сайлас? – зовет Олдрик.

Смуглый парень со взъерошенными волосами и дважды сломанным носом встает с одной из ветхих кушеток, которые образуют круг слева от матрасной ямы. Пол устилают кучи накиданных друг на друга персидских ковров, не сохранивших свой изначальный цвет и структуру. Олдрик показывает мне жестом идти за ним, и мы подходим к кругу из диванов. Сайлас плюхается на место рядом с девушкой, которая увлеченно листает книгу на коленях.

– Это Люси.

Олдрик указывает на парня, которому на вид лет четырнадцать, с длинными светлыми волосами, убранными за уши.

– А это Джои, – Олдрик поворачивается ко мне, и я впервые вижу искреннюю улыбку на его лице, пока он обнимает рукой Сапфиру за талию. Будто он знакомит меня с семьей. – Ребята, это Веспер.

– Прикольное имя. Я знал шептунью по имени Прюдентс [З - Prudence – с англ. благоразумие, рассудительность.]. Ты шептунья? – спрашивает Джои. Шептуны. Я вспоминаю папины записи. Это аномалы, которые могут общаться с мертвыми членами своего клана.

Все взгляды сосредотачиваются на мне. Их лица кажутся открытыми. «Мы все здесь монстры», – раздается эхо голоса Сапфиры в моей голове. К какому бы клану аномалов мы ни принадлежали, все мы знаем, каково родиться тем, кем ты не выбирал быть. Они смотрят на меня в ожидании, будто хотят услышать мою историю и увидеть мои глубокие раны.

Хотела бы я быть шептуньей. Общение с призраками кажется куда менее мрачной способностью.

– Э-э... – начинаю я и чувствую, как краснеет моя шея. Обычно ложь дается мне легко, но тут слова застревают в горле.

Чья-то рука берет меня за ладонь. Маленькая и мягкая. Ласковая. Я не отстраняюсь.

– Думаю, она совсем выбилась из сил. Я покажу ей ее комнату, – говорит Сапфира, уводя меня и улыбаясь Олдрику. Мы пересекаем холл к лестнице.

– Спасибо, – говорю я, как только мы отходим.

Сапфира ничего не отвечает, пока мы приближаемся к открытой лестнице в другой части помещения. У ступенек сидит группа ребят и передает друг другу янтарную бутылку.

– Фи-ира, – зовет девушка с золотистыми волосами.

Я поворачиваю голову. Ее голос низкий и гортанный и, несмотря на игривый тон, похоже, она вовсе не рада видеть Сапфиру. Ее с легкостью можно назвать одной из самых красивых девушек, которых я встречала. Не думала, что у беглецов есть возможность так ухаживать за своими бровями. Видимо, я ошибалась.

– Не останавливайся, – тихо говорит Сапфира.

– И какую же сопливую историю приготовил для нас Гончий сегодня? – спрашивает девушка и забирает рукой в перчатке бутылку у парня, сидящего рядом. Она делает глоток, но ее глаза не отрываются от меня. Края ее радужек вспыхивают алым – смутная угроза.

– Это Веспер, – представляет меня Сапфира.

Затем становится на первую ступеньку, но девушку, похоже, не устраивает такой ответ. Двигаясь так ловко, что я чуть не пропускаю все мимо глаз, она снимает одну перчатку зубами и прижимает палец к ступеньке. Та обращается пылью, и Сапфира теряет равновесие, но успевает опереться на стену.

– Мэвис, какого черта?! – кричит Олдрик из-за моего плеча, его голос сдавлен от ярости.

Все в холле затихают. Мэвис переводит на него взгляд и усмехается, уголки ее матово-черных губ поднимаются, пока она надевает перчатку. Эта девушка – демо, как мидасы, только наоборот. Все, к чему она прикасается, превращается в пыль.

– Все в порядке, Олдрик, – успокаивает его Сапфира, показывая жестом, чтобы он не вмешивался.

– Я просто хотела поприветствовать нашу новую подругу. – Мэвис встает. Ее тон намекает на обратное, но она протягивает руку в перчатке. Это вызов. Я осматриваюсь – все замерли. Аномалы по углам сосредоточились на нас. На том, что произойдет дальше.

Со мной ничего не случится, пока она в перчатках. И все же... Я чувствую, как все вокруг затаили дыхание. А еще знаю, что это всего лишь демонстрация

силы, но я надолго тут не задержусь, так что игра не стоит свеч.

– Мэвис, не надо... – начинает Сапфира.

Но что-то в выражении лица Мэвис задевает меня за живое – будто она считает себя самой опасной среди всех присутствующих. Она думает, что мне невдомек, каково это, когда тебя боятся. Я улыбаюсь и беру ее за руку. Пальцы девушки обхватывают мою ладонь, и она встречается со мной взглядом. Ее рука вцепилась в меня клещами, но я так просто не сдаюсь. Опускаю взгляд. На внутренней части ее предплечья нарисована татуировка – горящий цветок королевы ядов.

– Итак, ты пришла сюда ради шоу? – спрашивает Мэвис.

Понятия не имею, о чем она говорит, но не хочу, чтобы она это знала. Мэвис явно из тех людей, которым не стоит признаваться в своем невежестве. В итоге я просто одаряю ее пустым взглядом, и она отпускает мою руку.

– Я знаю, что Олдрик питает слабость к бродяжкам. Но если думаешь, что можешь просто явиться сюда и получить место, когда все остальные тренировались ради этого месяцами...

– Не ты устанавливаешь правила, – тихо перебивает Сапфира.

Я не имею ни малейшего представления, что, черт возьми, происходит, но не собираюсь этого показывать. Мэвис улыбается, облизывая свой резец, словно проверяет, по-прежнему ли тот острый.

– Хватит, Мэвис, – говорит Олдрик с незнакомой мне интонацией. Его голос полон предупреждения – игривости как не бывало. Мэвис медленно переводит на него взгляд, ее улыбка становится шире.

– Или что, Олдрик? Что-то ты перевозбудился. Мы ведь уже это проходили.

Холл наполняется смешками, и в моей груди загорается ярость.

Сапфира делает шаг в сторону Мэвис.

– Сапфира, не обращай на нее внимания, – говорит Олдрик, становясь позади нее и опуская руку на ее плечо.

Та не слушает.

– Не смей так говорить с ней!

Мэвис подается вперед, смотря ей в глаза.

– И что ты сделаешь, малявка? Ты слишком хороша, чтобы показывать свои умения в «Подполье», но согласна сделать это здесь?

Подполье... Что еще за «Подполье»?

Мэвис повышает голос, обращая на себя внимание всех присутствующих.

– Ты наконец-то докажешь, что вообще имеешь право здесь находиться?

– Зато я не имею, – я становлюсь между ними. – И не планирую оставаться. Они рискнули жизнью, чтобы спасти меня, и достаточно натерпелись на сегодня, чтобы выслушивать твое дерьмо.

Мэвис плавно поворачивает голову, сосредоточивая на мне взгляд так, будто она лев, а я – кусок мяса. Она искала повод на ком-то отыграться, и я только что вызвалась добровольцем. Ухмыльнувшись, она снова медленно снимает перчатки.

Позади я слышу, как Олдрик с треском превращается в камнекожего. Джои встает с дивана, его пальцы медленно заостряются в клинки. Два аномала, что сидели с Мэвис, поднимаются. Глаза девушки становятся полностью черными, на ее пальцах выплывают электрические разряды. Парень скалится, являя свои клыки.

Мой пульс бьется так же быстро, как кроличье сердце. Сила требует: «Выпусти меня, выпусти меня, выпусти меня».

Магия чувствует себе подобных. Будет легко позволить ей выскользнуть. Но этого нельзя допустить. Не после того, что я натворила всего два часа назад. Я окидываю взглядом холл. Здесь собрались самые чудаковатые чудаки в мире: с бурлящими гормонами, проблемами с управлением гневом и искаженным представлением о справедливости.

«Оставь надежду, всяк тупица сюда входящий». Теперь это звучит куда понятней.

– Что здесь происходит? – раздается голос над нами.

Все шеи вытягиваются вверх, а в холле воцаряется тишина. Над наполовину завершенными деревянными перилами, окружающими открытый второй этаж, склоняется женщина. На ней пиджак и узкая юбка, ее высветленные волосы струятся по плечам идеальными локонами. Она смотрит на нас, и ее губы изгибаются в подобии оскала и улыбки одновременно. Наряд ее старит, но я вижу по выражению ее лица, что ей всего лишь двадцать или около того.

– Я так понимаю, что вы, беспризорные неудачники, начинаете страдать фигней в этом «Гроте». Поэтому в таком случае мне придется достать мой чудовищно дорогой мобильный и позвонить ему, и вряд ли ему это понравится. А я не думаю, что вам понравится, если ему это не понравится.

– Все в порядке, Тесса, – отвечает Олдрик, разводя руки, чтобы его кожа вернулась к нормальной, и все остальные в «Гроте» следуют его примеру.

Джои садится на диван, клинки втягиваются в его пальцы. Мэвис вновь надевает перчатки, но при этом ее глаза сияют алым и сосредоточены на мне.

Дома у нас был распылитель для кота (кота, кстати, звали Иниго Монтойя), который любил запрыгивать на стол. Хватило всего пары удачных пшиков в усы, чтобы он прекратил это делать. Стоило только потянуться к распылителю, как он замирал, а затем лихорадочно убегал. Вот что только что произошло. Эта Тесса достала распылитель, и все резко передумали запрыгивать на столешницу. Что-то в этом кажется очень неправильным. Учитывая, что все мы люди, а не кошки.

Я прикусываю язык при воспоминании о Иниго и смотрю на Сапфиру, позволяя своим глазам задать немой вопрос, который она наверняка может прочесть на моем лице: «Кто это?» Сапфира отводит взгляд.

– Так я и думала. Просто решила проверить. – Тесса отталкивается от перил и поправляет пиджак. – Кстати... ты? Как тебя зовут? – спрашивает она, показывая на меня. Я на всякий случай оглядываюсь.

– Да-да, ты, милашка, остро нуждающаяся в сухом шампуне, – добавляет она.

Я недоуменно поднимаю взгляд. Она, конечно, права насчет шампуня. Но зачем так грубо?!

– На вашей жалкой кухоньке закончились те жутко калорийные брауни. Исправь это, лады? Раз уж мне приходится спускаться сюда, чтобы удостовериться в вашем прилежном поведении, то пусть хотя бы мне полагается за это приз.

– Я... – начинаю я, но она смотрит в телефон и поднимает палец, чтобы я подождала.

Ладно, так дело не пойдет.

– Она не останется здесь, Тесса, – решает вмешаться Сапфира.

Та отрывается от экрана.

– Ты пропустишь «Подполье» завтра?

Я открываю рот, но Сапфира становится рядом и берет меня за руку.

– Да.

– Ладно. Мне плевать, кто добудет батончики. Просто сделайте так, чтобы в следующий раз они были. И без карамельных хрустяшек, они чертовски отвратительны.

И с этими словами Тесса разворачивается и уходит.

«Подполье».

Снова это слово.

Мне все равно. Я не хочу знать. Я хочу расфасовывать миндаль и быть чудачкой, которая ни с кем не общается, никому не вредит и практически невидимка.

Мало-помалу холл вновь оживает. Джои включает музыку, кто-то начинает кататься на скейтборде. Звук колес, царапающих бетон, действует мне на нервы.

– Я покажу, где ты можешь переночевать, – говорит Сапфира.

Я иду за ней вверх по винтовой лестнице. Сапфира открывает маленькую дверь неподалеку от лестничной площадки третьего этажа. Комнатка скромная. У дальней стены стоят узкая кровать и стол, пол сделан из бетона. Через окно виден маяк, посылающий пересекающиеся лучи света в темное пространство.

– Ничего особенного, – говорит Сапфира, проходя взглядом по стенам.

– Она идеальна, – искренне отвечаю я.

Когда Сапфира уходит, я сворачиваюсь калачиком под одеялом и смотрю на грубые деревянные балки на потолке, на которых пляшет свет. Ненадолго задаюсь вопросом, что же такое это «Подполье», но затем мои глаза закрываются.

Я в парке позади моего дома – в том, где мы целовались с Тревором Мартино в седьмом классе. В том, где мы с Кармен привязывали ленточки к веткам сосны, которую прозвали Джаспером.

Но я не дома – тут идет снег. В Лос-Альтосе никогда не выпадает снег.

«Это сон, – думаю я, как только возможно во сне. – Я хочу проснуться».

Но не могу. Не могу перестать переставлять ноги одну за другой; при каждом шаге мои босые ступни обжигает лед, пока я миную детскую площадку с качелями. Тут по ветру доносится тихая песня.

Она улыбалась ножам.

И танцевала со стрелами.

Она целовала петлю.

И объятая дымом пела.

Мне знаком ее текст. Это «Легенда королевы ядов». Голос напоминает мою младшую сестру – это слышно по тому, как он ломается на слове «целовала». Меня охватывает тот же ужас, как когда я услышала ее голос из гостиной и поняла, что оставила на кофейном столике папин блокнот, открытый на наших самых ужасных историях.

Песня прерывается, а в мою голову проникает воспоминание о том, как разозлился отец.

«О чем ты только думала, просто оставив его там?»

Я захожу глубже в лес, единственным источником света служат горящие цветы. Песня продолжается, разносясь эхом между заледеневшими деревьями, грохоча как бита по тюремной решетке.

Зажгла свои цепи пламенем

И те поросли лепестками.

В воздухе пахнет дымом.

Ее не пугала ярость.

Ее не пугал гнев.

Ее глубоко заперли

В клетке теней.

Впереди виднеется поляна. Мы с Джеком и Айрис часто ставили тут палатки, притворяясь, будто мы в лагере, но ни разу не засиживались до темноты, прежде чем вернуться домой.

Домой.

Над головой гремит навеванный сном гром, и я понимаю, что мне не убежать от наступающего мне на пятки воспоминания.

В ночь, когда я испортила себе жизнь, шел дождь. В ночь, когда я все подожгла и сбежала. Казалось бы, дождь должен помочь в такой ситуации, верно? Ничего подобного.

В течение нескольких месяцев моя сила не создавала проблем. Конечно, порой моя младшая сестра Айрис выводила меня из себя, и я невольно цеплялась за ее страх. Ухватывалась за внутреннюю часть ее груди, где обитали кошмары, и изнывала от желания дернуть за эту связь, как в случае с Митчем. Вытащить этот кошмар, каким бы он ни был, и позволить свирепствовать на свободе.

Но мне удавалось проглотить его. Подавить. И тогда монстр сворачивался клубком в моем нутре, как тот осьминог из аквариума, который приглянулся Кармен, – тот, который будто в точности понимал, где находится, и всем своим видом говорил: «Идите-ка вы лесом, ребята, я не буду плавать по вашей прихоти». Он оставался неподвижным.

Я сходила на школьный бал с Хантером Кадилли. Попала в группу поддержки. С трудом сдала первый курс алгебры, чтобы меня допустили ко второму. Начала задумываться, в какой колледж поступить. Мы с папой все меньше и меньше общались о нашем мире, хотя один вопрос так и остался без ответа: почему у меня получилось проявить свою силу перед ним – ныне ординаром? Почему за одну ночь внезапно все изменилось?

По ночам я частенько видела свет в его кабинете, пока он искал ответы. Раньше я бы тихо постучала и вошла внутрь. Закрыла бы дверь и задавала вопросы, пока он не отправил бы меня спать. Но теперь я знала, что нет никакой надежды когда-либо избавиться от моей силы. Думаю, от этого понимания мне еще больше хотелось притворяться нормальной.

Стоило догадаться, что долго это не продлится.

Был ноябрь. На мне была пижама, которую следовало бы спрятать еще в августе, но я укрывалась одеялом и не замечала, насколько на улице холодно, даже для Южной Калифорнии. Я написала Дженне сообщение, чтобы узнать, будет ли команда поддержки собираться перед завтрашней игрой, и тут в комнату заглянула мама, чтобы проверить, вытащила ли я утюжок для волос из розетки. Убедившись, что вытащила, она послала мне воздушный поцелуй и напомнила вынести утром мусор. Я ответила воздушным поцелуем и легла спать.

И тогда мне приснился пожар. Как пламя облизывало простыни, как его свирепые языки тянулись в воздух и подползали ко мне ближе. Даже во сне я ощущала, что сила выползает из моей груди. Я не могла пошевелиться. Быть может, и не хотела. Я чувствовала ее теплый поцелуй на своей коже, пульсацию в ладонях. Пламя знало мое имя, а я знала его секреты. Я не боялась, а общалась с ним, уговаривая подойти еще поближе. А проснувшись, почувствовала запах дыма. Меня разбудили чьи-то крики.

Открыв глаза, я не столько испугалась самого пожара, сколько того, что его вызвало.

С самого детства мама запрещала нам пользоваться камином. Не давала играть с бенгальскими огнями. И скрепя сердце позволяла зажигать свечи. Когда ей было двенадцать, в ее семейном коттедже случился пожар. Кто-то сбил бутановый светильник, из-за чего загорелась простыня, и весь дом вспыхнул как пороховая бочка.

Каким-то образом я нашла ее страх.

Нашупала его во сне. Не знаю как – может, потому, что она проверила утюжок для волос перед тем, как пойти к себе. Не знаю. Знаю только то, что это моя вина. Моя сила, мое проклятие... оно вытащило этот страх и подожгло весь дом,

пока мы спали.

Я не помню, как сбежала вниз на первый этаж, где обнаружила Айрис. Отец пытался вывести нас наружу, а мама побежала за Кармен.

Я сопротивлялась. Вырывалась из его рук и царапала кожу ногтями, не переставая кричать, чтобы он позволил мне помочь.

«Это моя вина. Моя вина. Моя вина».

Вот что я кричала, порывисто втягивая пепел вместе с воздухом. Отец закинул меня на плечо и вынес на улицу, а потом поставил на влажную ледяную траву. Я схватила его за руки, ставшие скользкими от пепла и пота.

«Это я сделала!» – кричала я.

Он встретился со мной взглядом и все понял. На его лице не читалась злость. Или хотя бы удивление. Он даже не дрогнул, и это было куда хуже – то, как он всматривался в мои глаза и пытался подобрать слова. Это длилось лишь секунду, но казалось дольше. Папа просто погладил меня по щеке, а затем позвонил на помощь пожарника и, оттолкнув другого с пути, побежал обратно в дом.

Вырываясь из рук пожарника, я поскользнулась на мокрой траве и упала на колени. Подняв взгляд, увидела Иниго Монтойю перед кустами. Он был покрыт золой. Живой, но хромал. Его глаза стали совсем круглыми от страха, и он смотрел на меня так, будто знал, что все произошло из-за меня. Я – искра, которая подожгла весь дом. Он вел себя как животное, учуявшее хищника. Учужавшее опасность.

– Иниго! – позвала я. Медик поднял меня на ноги, а кот быстро убежал. – Иниго, мне жаль, – всхлипнула я, когда пожарник подхватил меня на руки.

Остаток ночи превратился в расплывчатое дымное пятно в моей памяти. Как мама кричала во все горло, выходя за пожарником, который нес обмякшее тело Кармен. Как папа сидел с Джеком и Айрис, покрытыми пеплом и укутанными в полотенца.

Медики доставили меня в машину «Скорой помощи» и осмотрели. Надели манжету тонометра на предплечье, прикрепили к пальцу пульсометр, надели на лицо кислородную маску. Ноги холодила простыня каталки, а мир снаружи кружился в хаосе.

«Они целы? Моя семья в порядке? С ними все будет хорошо?»

Эти вопросы будто произносила не я, мой голос истончился от дыма.

Никто не отвечал. Никто ничего не говорил. Медики поставили мне капельницу, поправили кислородную маску у меня на лице и принялись обсуждать мои жизненные показатели. Я знала, о чем думал отец, когда коснулся моей щеки. Это читалось в его глазах – он гадал, не явятся ли за мной смотрители. Случайно или нет, но я нарушила правило номер один и использовала магию перед ординарами. А еще накликала горе на свою семью. Это в тысячу раз хуже, чем смотрители.

Мне было почти плевать, придут они или нет.

Я села, заметив других медиков, которые везли к задней части «Скорой» каталку, ее колесики неприятно царапали асфальт.

И увидела лицо Кармен. Неизлечимо обгоревшее и изуродованное в пожаре, который я же и вызвала. В огне, который я создала. Мама запрыгнула в машину «Скорой помощи» и взяла мою сестру за неподвижную руку.

Неподвижную. Безжизненную.

Я это сделала и ничего не смогла контролировать.

Монитор надо мной издавал тоненькие бип, бип, бип, но я знала, что что-то в моем сердце умерло. Что-то изменилось, и исправить это уже нельзя.

Как только меня оставили одну, мои пальцы пришли в действие по собственной воле и, дрожа, вытащили катетер капельницы из вены. Я сорвала маску с лица, выскользнула из машины и побежала. Бежала так быстро, как только могла. По заднему двору. Через заборы.

Босая и полуголая.

Я не могла поставить свою семью под угрозу еще раз.

Я отправилась в школу и переоделась в одежду, хранившуюся в шкафчике. Внутри осталась сумка с вещами для соревнования, на дне которой завалялось достаточно денег, чтобы купить билет на автобус в Сиэтл.

Снова гремит гром, и я возвращаюсь в сон, падая на четвереньки... в круг из горящих аконитовых бутонов. Протягиваю руку, и на мою ладонь падают снежинки. Нет. Не снежинки... пепел. С неба падает пепел.

Я – самое страшное, что только есть. Я – кошмар.

Я.

Я рывком сажусь в темноте. Моя одежда вся мокрая, дыхание выходит рывками.

С той самой ночи у меня был чуткий сон. Меня могло разбудить что угодно, и я не давала себе спать больше двух часов подряд.

Мне казалось, что от этого будет и положительный эффект – уменьшится количество кошмаров, – но все вышло несколько иначе.

Я будто в замкнутом пространстве. Все застывает. Мне нужно двигаться. Я обуваюсь и накидываю куртку, кривясь от ощущения тяжелой ткани поверх влажной рубашки.

Через секунду я уже вылетаю за дверь и иду по коридору.

Понятия не имею, куда направляюсь, но мне все равно. Воздух здесь прохладный и сырой и приятно холодит затылок. Я спускаюсь по незаконченной фанерной лестнице и слышу смех внизу и звук колес, катящихся по бетону – в холле еще кто-то сидит.

Мои колени подгибаются. Я прислоняюсь к стене и сползаю вниз, запуская пальцы в волосы.

На противоположной стене висит доска с различными объявлениями – начиная с плакатов о пропаже человека и заканчивая пассивно-агрессивным посланием: «Тому, кто украл мой сэндвич из холодильника – еще раз так сделаешь, и тебе не поздоровится».

Некоторые бумажки пустые и колышутся от постоянного сквозняка в коридоре. Поддавшись любопытству, я встаю и подхожу к стене. Затем наклоняюсь и дую на бумажку – фокус, которому научил меня отец. На ней появляются курсивные черные буквы: «Двадцать баксов за фальшивое удостоверение. Звонить по номеру 909-555-9831». Это теневые чернила. Невидимое послание, которое проявляется от дыхания аномала – те, кто владеет этой магией, зовутся скрибами.

Мой взгляд проходит по доске, останавливаясь на плотной бумажке с цветком королевы ядов и облизывающим края пламенем. Я делаю глубокий порывистый вдох и дую на него. Через секунду появляются толстые золотые буквы.

ФЕСТИВАЛЬ КОРОЛЕВЫ ЯДОВ.

Выходите из тени на свет.

Клыки, зубы и непристойное поведение приветствуются.

Ниже написаны указания, как найти место проведения фестиваля по деревьям. Оно в парке в Биг-Суре.

Мой взгляд сосредоточивается на этом чертовом цветке – этом символе, который я повсюду вижу.

Мне хочется винить его в своем кошмаре, но я знаю, что дело в другом. Сегодня я вытащила на свободу еще один страх. Такого не случилось уже год. Но мне проще ненавидеть этот цветок, поэтому я срываю листок с доски объявлений и

смотрю на рисунок.

Королева ядов. Пламя, зажегшее фитиль гражданской войны, которая чуть не уничтожила нас всех.

– Зажгла свои цепи пламенем, и те поросли лепестками, – говорит голос позади меня. Я подскакиваю от неожиданности. На лестничной площадке, держась за перила, стоит Сапфира. – Ненавижу эту песню.

Она делает шаг ближе.

– И я. Такое впечатление, что тот, кто ее придумал, пел ее с насмешкой.

Сапфира молча становится рядом и смотрит на стену.

– Думаешь, их больше нет? – тихо спрашиваю я. Она переводит взгляд на меня.

– А ты сомневаешься?

Я поджимаю губы. Может, дело в постоянном чувстве вины из-за того, что я сделала со своей семьей, но мне всегда кажется, что зрители наблюдают за мной.

– Лучше перестраховаться, чем рискнуть головой, – я показываю на листовку.

– Из-за Переполоха люди начали думать, что грядут перемены, – мягко отвечает Сапфира.

Затем подходит чуть ближе, ее черные кожаные ботинки практически не издают ни звука. На ней легинсы с сетчатыми вставками по бокам и безразмерный свитер, который висит на ее худеньких плечах. Она встряхивает руками, спрятанными в рукавах, и наружу выглядывает браслет – золотой, с яркими разноцветными фигурками динозавров на цепочках.

– Я бы заплатила целое состояние, чтобы больше никогда не слышать такое стремное название, как «Переполох». С меня хватает и «аномалов».

Сапфира фыркает.

– Звучит довольно мерзко, не правда ли?

– Очень мерзко, – соглашаюсь я, и она улыбается. – Хотя Олдрику оно, похоже, нравится, – добавляю я через пару секунд, лишь потом задумываясь, не перегнула ли палку.

Сапфира молчит какое-то время, закусывая губу и водя по ней зубами, из-за чего ее челюсть выпячивается вперед.

– Он заслуживает хоть какой-то надежды. Как и все мы.

– Но?.. – не отстаю я, услышав сомнения в ее голосе.

– Лучше известное зло, чем неизвестное, верно? Если зрителей больше нет... то их просто заменит зло, которого мы еще не встречали.

Я открываю рот, на задворках моего разума возникает тысяча вопросов, но Сапфира пресекает их, вздыхая и переводя на меня взгляд.

– Пошли. Хочу проветриться.

Прихватив сумку из комнаты, Сапфира ведет меня через «Грот» к лестнице, которая проходит через ремонтную шахту и выходит к обрыву у океана. Я резко останавливаюсь, чтоб насладиться видом. Раньше туман был настолько густым, что я даже не заметила, что мы так близко к воде. На небо взошла луна, откидывая красивое белое пятно на волны и освещая прохладную ночь. Я смотрю на небо и выхожу к основанию заброшенного маяка. В морозном воздухе слышны крики и радостные восклицания. Я тяну Сапфиру за руку и позволяю металлической двери за нами с грохотом захлопнуться.

– Отель так и не достроили с этой стороны, – говорит она, показывая на бугорки холмов, поросших высокой травой. Я вижу свет от фонариков, усеивающих каркас боковой стороны отеля. – Ребята соорудили еще одну рампу из оставшихся материалов, – объясняет Сапфира, когда вновь раздаются крики.

С третьего этажа прыгает девушка на велосипеде. На полпути она теряет хватку на руле, и парень на краю недостроенного балкона вскидывает руки. Ее падение замедляется, пока она аккуратно не приземляется на землю. Наверное, это круто – столько риска и ни одной сломанной косточки.

– Пойдем, – зовет Сапфира.

Я следую за ней к маяку. Дверь внизу не заперта, но, когда мы ее толкаем, петли противно скрипят. Сапфира сгибает две светящиеся палочки и вручает мне одну, а затем мы поднимаемся в темноте по лестнице. Когда я забираюсь на вершину, у меня перехватывает дыхание. Такой вид мне еще никогда не открывался. Воду скрывает пелена тумана, местами расходясь небольшими трещинками, чтобы пропустить лунный свет. Над мостом Золотые Ворота мерцают одинокие лучи, а сильный ветер вспенивает океан. Сапфира садится на край, свешивая ноги, и упирается грудью в перила.

Затем тянется к сумке и достает термос.

Я устраиваюсь рядом и кривлюсь от боли в спине. Затем кошусь на девушку. Наверное, все это время я ждала удара исподтишка – какого-то подвоха. Никто не оказывает любезность за просто так. Не в этом мире.

– Почему вы преследовали меня? – спрашиваю я, и мой голос пронзает безмятежность ночи, словно клинок.

Сапфира усмехается.

– Мы проверяем все местные автовокзалы. Слишком много беглецов остаются одни, а в наше время это опасно.

– Порой находиться с людьми тоже опасно, – не задумываясь, отвечаю я.

Сапфира смотрит на меня, вскинув темную бровь, будто знает, что за этими словами стоит своя история. Но, должно быть, что-то на моем лице дает ей понять, что я не намерена это обсуждать, и она снова поворачивается к океану.

– Значит, тебя тоже мучают кошмары?

Я молчу, и она воспринимает это как положительный ответ. Сапфира открывает термос и выливает немного жидкости в крышку.

– Хочешь поговорить об этом? – наконец спрашивает она. Я качаю головой.

– А это? – протягивает мне крышку.

Я снова качаю головой, и девушка поднимает брови.

– Думаешь, оно отравлено? Клянусь, если бы я желала тебе смерти, то просто бы сказала Мэвис, где ты спишь.

– Нет, просто...

– Ты никому не доверяешь, – заканчивает Сапфира, болтая жидкость в крышке.

Я тихо смеюсь.

– Напротив. Я не думаю, что мне должны доверять. Особенно, когда в ситуации замешан алкоголь.

Она фыркает.

– Вау, ты решила, что это алкоголь.

– Разве нет?

Она ухмыляется и подносит крышку к губам.

– Он самый. Просто дешевое вино.

Мои губы расплываются в искренней улыбке. Я скучала по ней.

Сапфира смотрит на воду, и я прослеживаю за ее взглядом. Мы дружно наблюдаем, как туман плавно скользит по волнам. Наше молчание не кажется

неловким – оно не молит себя заполнить.

Сапфира делает глоток вина и, скривившись, опускает взгляд на крышку.

– Что, все так плохо? – интересуюсь я.

Она пожимает плечами.

– Дома моя мама нагревала его в сковородке со свежими травами, так что... подогреть его в микроволновке с сушеными – уже не то.

Дом. От ее слов у меня болезненно крутит живот, и я прислоняюсь к перилам, глядя в ночь и закусывая кончик языка.

– Итак, как давно вы с Олдриком встречаетесь? – спрашиваю я, отчаянно желая сменить тему.

На ее губах появляется слабая улыбка.

– Мы не... пара. Мы... – Сапфира пожимает плечами, и я смеюсь. Аномалы или нет, кое-что в жизни никогда не бывает простым. – Мы друзья. Я встретила его в «Макдоналдсе» после того, как сошла с поезда.

– Он уже тогда подбирал бродяжек?

Она фыркает в крышку.

– Нет. Он просто любит сэндвичи, которые там подают на завтрак.

Представив, как Олдрик держит крошечный яичный сэндвич своими огромными ручищами, я и сама разражаюсь хохотом.

– Он взял меня под крыло. В отличие от Мэвис, которая требовала, чтобы я назвала свой клан и показала силу... он никогда не подстрекал меня использовать мою магию. Никогда не интересовался, из какого я клана. – Сапфира замолкает, залпом выпивает вино и вновь наполняет крышку. Ей тоже

не нравится использовать свои способности. – После всего, что произошло... – ее взгляд становится далеким, а лицо задумчивым. – Он заставил меня почувствовать себя как дома. Будто эта жизнь по-прежнему принадлежит мне, пусть и отличается от той, что была раньше.

– Он тебе нравится? – Я просто не могу удержаться от столь обыденного вопроса.

Сапфира улыбается.

– Да.

– Так в чем проблема?

Он красавчик, это даже не обсуждается.

– Олдрик по натуре защитник. Он будет свирепо и безрассудно защищать тех, кого любит. А любит он беспечно. Ему и так хватает опасности в жизни. – Она видит немой вопрос на моем лице. – Олдрик возглавил команду, чтобы отлавливать беглецов на автобусных станциях. Время от времени они исчезают.

– Исчезают?

Сапфира сдирает ногтем краску с поржавевших перил.

– Они садятся в автобус, но когда он подъезжает к станции, их там нет. Мы ждали нескольких людей – друзей и родственников тех, кто уже здесь... но они так и не доехали.

Мой разум тут же находит ответ.

– Думаешь, их схватили зрители?

Сапфира издает хохоток.

– Опять ты со своими зрителями. Ты же знаешь, что есть люди и похуже их, верно?

– В теории.

– В действительности, – парирует она.

– Что может быть хуже группы помешанных на контроле, смертоносных фриков?

Сапфира окидывает меня таким взглядом, будто я только что бросила ей вызов. Затем задумчиво прищуривается.

– Ходят слухи, что некоторые из этих детей могли заключить плохие сделки, чтобы добраться сюда. Возможно, с дельцами.

– Дельцами? – переспрашиваю я, вспоминая папины записи. Я никогда раньше не слышала о них.

– Делец – аномал со связующей магией. Если заключаешь с ним сделку, то уже не сможешь ее нарушить, – поясняет Сапфира.

– Ух ты, – выдыхаю я, впиваясь пальцами в перила. Сапфира делает еще один щедрый глоток.

– Существует много мрачных историй о том, как странники и азартные игроки заключали сделки с ничем не подозревающими или отчаявшимися людьми. Они носят с собой портфель, полный договоров. У всех дельцов есть отметина на внутренней стороне запястья – символика кровоточащего пера. Их помечает клан, когда они становятся совершеннолетними и начинают... портить жизни другим, полагаю. Им запрещалось заключать сделки с детьми... раньше.

– До Переполоха? – заканчиваю я.

Сапфира кивает.

– Они попросту не могли. До исчезновения зрителей. А теперь – что их остановит? Что остановит любого из нас? Это коммерческий аргумент, если

только ты не в самом низу пищевой цепочки.

– Есть ли какой-то способ найти этих детей? – спрашиваю я. Внезапно расфасовка миндаля уже не кажется такой важной.

Сапфира качает головой.

– Нет, – она делает глоток и смотрит на меня над кромкой крышки. – Но это известное зло.

Я задумываюсь обо всем этом – о правилах и последствиях. О власти и ее отсутствии.

Кто выигрывает, а кто проигрывает, когда снимаются ограничения.

Качаю головой – не желаю больше думать о зрителях.

– Как вы вообще... – обвожу рукой отель внизу, – выживаете?

При моем вопросе взгляд Сапфиры становятся тверже. Я не наивная. Мне довелось побывать во многих убежищах в разных штатах. Аномалы берутся за все, что обеспечит им выживание. Перевозят нелегальный товар или забирают его нелегальными способами.

– Веспер, завтра ты уйдешь. Лучше тебе не знать.

В ее словах нет ничего грубого. Как и во взгляде. В ее голубых глазах читается искренность, чуть ли не мольба. Будто она просит поверить ей. Будто просит закрыть эту тему.

Сапфира протягивает мне крышку, и я рассматриваю ее с пару секунд, прежде чем взять. На браслет с динозаврами падает лунный свет.

– Миленький, – говорю я, показывая на него.

Ее розовые губы расплываются в улыбке, когда она опускает на него взгляд.

– Он принадлежит моему брату, – Сапфира легонько поддевает тираннозавра. – Нолану. Он отдал его мне.

– Ты скучаешь по нему, – произношу я на выдохе, поскольку мне тут же приходит в голову тысяча причин, по которым не стоило этого говорить.

Сапфира сковывает меня ледяным взглядом своих голубых глаз, и на секунду я вновь пугаюсь, что переступила черту. Господи, по-моему, для того, кто пытается держать всех на расстоянии вытянутой руки, у меня явно проблемы с умением держать рот на замке.

Она кивает и опускает глаза.

– Я вернусь к нему. В конечном итоге. – Сапфира делает медленный вдох и вытягивает руку, позволяя браслету заколыхаться на ветру. – Ты скучаешь по дому?

Я начинаю закусывать язык, но затем решаю сделать глоток вина.

– Да... Скучаю.

Возвращаю крышку Сапфире.

– Знаешь, что самое смешное? Я скучаю и по глупым мелочам. К примеру, по пятницам у нас в школьной столовой подавали отвратительные буррито, но это традиция.

Я улыбаюсь.

– Те, которые в целлофановой упаковке?

Ее глаза загораются, и она показывает на меня пальцем.

– Да! И еще они были адски горячими...

– И постоянно обжигали пальцы? – заканчиваю я со смехом, вспоминая, как Линдси и Дженна пытались распаковать их с помощью транспортиров.

Сапфира обхватывает руками перила и откидывает назад голову.

– Я скучаю по тому, как мне не было необходимости обсуждать, по чему я скучаю, – тихо говорит она, садясь ровнее. – Иногда я прихожу сюда и притворяюсь, что я просто... прогуливаю урок.

Я не задумывалась об этом, но она права. Я скучаю по жизни без постоянных попыток вернуться в то время, когда все казалось проще.

В горле появляется комок. Я скучаю по тому времени, когда ни по чему не скучала. Мы снова замолкаем, глядя на приближающийся туман, и передаем друг другу вино после каждого глотка.

– Итак, – начинает Сапфира, выпрямляя ноги. – Как тебе тот тест по алгебре?

Она смотрит на меня и, возможно, дело в вине, или же в абсурдности ситуации, но я улыбаюсь.

– Чертовски сложный, – киваю я.

– Думаешь, она будет оценивать нас «по кривой»? [4 - Известна также как «кривая распределения Гаусса». Оценки обучающихся зависят от всей группы: каждый студент оценивается на фоне знаний более сильных товарищей.]

– Не-а. Да и Хилари все равно облажается, – бросаю я, думая об одной из своих лучших подруг. Слова с легкостью срываются с языка. – Но Айзек по-прежнему планирует устроить вечеринку в субботу, верно?

Сапфира тут же подхватывает:

– Нам пойдет на пользу выпустить немного пара. Но... что нам надеть? – спрашивает она, показывая на свои протертые черные штаны для йоги и старую толстовку.

– Уверена, у Линдси что-нибудь да найдется, – отвечаю я. Знакомые фразы из жизни, которую, как я думала, уже не воскресить.

Сапфира растопыривает пальцы на ногах и опускается на локти.

– Но если нет, я накопила кое-какие сбережения, пока нянчила Нолана. Можно будет сходить в торговый центр.

– Я возьму мамину машину и заеду за тобой в шесть, лады?

Я прислоняюсь головой к перилам и смотрю на нее. Сапфира закрывает глаза от ветра и поднимает подбородок. На ее лицо падают прядки, но она их не убирает. Девушка открывает глаза и смотрит на океан.

– В шесть было бы идеально.

10

Через пару часов мы с Сапфирой вернулись в «Грот», и я решила еще немного подремать. Кошмары больше не снились.

В итоге я проспала дольше, чем планировала, и никто меня не разбудил. Полагаю, недостаток сна, ведь я спала по четыре часа в сутки, наконец взял свое.

В изножье кровати лежит записка и злаковый батончик: «Душ в конце коридора». Сапфира оставила мне полбутылки шампуня и одноразовую бритву.

На секунду мне даже жаль, что я не могу остаться. Это место абсолютно нелепо, но последние несколько часов я почти не чувствовала себя одинокой. Я уже и не помню, каково быть частью общества. А у этих ребят свое специфичное общество – по крайней мере, это я могу сказать.

В дверь стучит Олдрик.

– Привет, – здоровается он, когда я приоткрываю ее и возвращаюсь к кровати. Он прислоняется к дверной раме. – Я просто хотел, чтобы ты знала – что бы ни наговорила тебе Мэвис, мы будем рады, если ты останешься. Здесь происходят довольно крутые...

– Олдрик, – перебивает его Сапфира, подходя сзади с недовольным видом. Олдрик двигается, чтобы освободить ей место в двери. – Я говорила, что Веспер нужно идти, – шипит она. – Хватает и того, что ты подписался на это. Не вешивай ее.

Меня немного ранит, что, возможно, Сапфира хочет, чтобы я ушла. Но ее не в чем винить. Я бы тоже не хотела, чтобы предвестница жила под одной крышей с дорогими мне людьми.

Я пожимаю плечом.

– Это мило с твоей стороны, Олдрик, но мне пора двигаться дальше.

Сапфира окидывает его свирепым взглядом, и Олдрик виновато поднимает руки, пятясь из комнаты. Она кидает мне ключи, и я ловлю их у груди. Затем подкидывает мне маленький мобильный.

– Езжай на фургоне на автовокзал и просто оставь его там. Мы заберем его завтра. Телефон одноразовый. Предоплаченный. Все наши номера уже сохранены. Если тебе когда-нибудь понадобится помощь... просто позвони.

Я киваю, крутя в руках мобильный и ключи. Вчера я чуть не угрожала Сапфиру и всех ее друзей, а она все равно заботится о моей безопасности. Когда я поднимаю взгляд, чтобы выразить свою благодарность, ее уже нет.

Чуть позже я пользуюсь подержанным планшетом Джои и их кошмарным вай-фаем, чтобы посмотреть расписание автобусов – один из них отправляется на юг сегодня в восемь вечера. Как раз вовремя. Я моюсь в общей душевой и очень тщательно вытираюсь полотенцем с надписью: «ЭТО ПРИНАДЛЕЖИТ МЭВИС, НЕ ТРОГАТЬ!!!»

Бросаю влажное полотенце на пол и благодаря этому небольшому акту неповиновения в довесок к побритыми ногам чувствую себя так, будто могу покорить весь мир.

Я собираю волосы в привычный пучок и закидываю рюкзак на плечо. Время идти.

В холле пусто, но откуда-то из недостроенной части отеля доносятся низкие басы. Я останавливаюсь на секунду и прислушиваюсь.

Это метал-версия «We Will Rock You».

Что? Где все? Я снова сверяюсь со своими дешевыми часами – время еще есть. И хоть мне, пожалуй, пора бы уже научиться не позволять любопытству брать надо мной верх... я все равно хочу знать.

Я иду на звук грохочущих басов, доносящийся из-под пола. С каждым шагом они становятся сильнее наряду с моим растущим страхом. Но я продолжаю двигаться дальше по извилистым коридорам в глубь отеля. В конце одного из них есть лестница вниз. Я открываю дверь и захожу внутрь.

Музыка становится громче, а свет тускнеет. Стены дрожат от басов. Я дохожу до конца лестницы, распахиваю дверь, и у меня перехватывает дыхание. Не знаю, чего я ожидала, но точно не такого.

Помещение выглядит так, будто однажды было частью подземного гаража – все сделано из цемента и камня, но его переделали для этого. Что бы это ни было. Вокруг бродят десятки людей, закрывая собой вид на центр зала. Я прохожу дальше, позволяя двери бесшумно закрыться за мной, и незаметно смешиваюсь с толпой. В этом я мастер.

Музыка льется через колонки, которые прикреплены к стенам лозами, свисающими с потолка. Я протягиваю руку к той, что висит прямо передо мной, и кручу ее двумя пальцами. Между двумя листочками прячется лиловый цветок королевы ядов, и я отпускаю его как обожженная. Кто же использует цветы королевы ядов в качестве декорации? В моем животе образовывается дыра, когда я замечаю небольшую линию трибун, как на стадионе, которые тянутся к

подвесному потолку. Толпа впереди редееет, и я наконец вижу, что находится по центру. Это слегка приподнятая клетка, огороженная по всем восьми бокам. Я уже видела такое прежде – похоже на боксерские поединки, которые любили смотреть папа с Айрис, но... другое. Через отверстия проникает фиолетовый свет. Каждые несколько секунд по ограждению проходит мерцающая волна. Это необычный восьмиугольник. Я пчусь к дальней стене, не сводя глаз с клетки, будто, если смотреть на нее достаточно долго, все кусочки пазла сложатся воедино.

Все чего-то ждут – я чувствую нетерпение, потрескивающее в воздухе, пока крадусь по краю помещения. На задней стене вырисовывается очертание бутона королевы ядов цвета электрик, а по залу начинают выплывать лучи прожекторов, наконец останавливаясь на основании клетки, где стоят двое людей.

Вспыхивает свет, и толпа разражается аплодисментами. Две девушки в зеленых атласных платьях заходят в клетку и поднимают руки. Появляется мерцающий серебром экран, как в кинотеатре, с контуром цветка королевы ядов над клеткой.

Зрители затихают, и внутреннее чутье подсказывает мне, что пора уходить, но я не могу сдвинуться с места. Не знаю, любопытство это или паника – скорее, и то и другое. Но я внимательно наблюдаю, как комната погружается во тьму, и экран показывает маленький городок. Из колонок над нами доносится женский голос.

– В восемнадцатом веке в городе Брашов жила женщина с волосами цвета запекшейся крови. Никто не знает ее настоящего имени.

Экран мигает, показывая рыжеволосую женщину, идущую по мощеным улочкам.

– Одни звали ее ведьмой; другие считали провидицей.

Женщина улыбается, наклоняясь, чтобы погладить собаку, и косится на женщин, которые скептически наблюдают за ней из дверного проема в противоположной части улицы.

Разве не всегда так с могущественными женщинами? Нас либо боятся, либо боготворят. Вилы или розы.

Среднего не дано.

Экран кружится, и голос продолжает:

– Поначалу ее прегрешения были невелики – она показала свою силу ординару. Утром к ее двери был прибит лиловый бутон. Волчий аконит. Королева ядов. Цветок зрителей. Она знала, что это значит. Знала, от кого это послание.

Отец рассказывал мне легенду, но меня пленила картинка на экране – как женщина протягивает руку к бутону на гвозде. По ее испачканной в грязи руке течет сок. А затем она улыбается.

Улыбка расцветает в смех.

– Если она не убьет себя, зрители сделают это за нее. Но она их не боялась. Она сняла цветок с гвоздя и поставила его в вазу у окна, а еще начала растить их в своем саду. Несмотря на холод и тот факт, что по ночам изморозь покрывала окно поцелуями, цветы выросли.

Женщина садится в саду и изучает бутоны. Я пытаюсь понять, что я вижу, мысли в голове кружатся.

Зачем они это показывают?

Остальная часть истории мне известна – я зачитывалась ею до тех пор, пока страницы папиного блокнота не загнулись от нервного вождения пальцами по краям.

– Ее следующий проступок неизвестен, но его хватило, чтобы одной морозной ночью через ее окно влез потрошитель.

Я могла бы рассказать эту историю даже во сне. Иногда я так и делаю.

Следующим утром горожане вышли на площадь и обнаружили его тело рядом с замерзшим фонтаном...

С аконитом во рту и широким, улыбчивым порезом через все горло. Ее собственное послание, по всей видимости.

Смотрители отправили еще одного.

Его тело тоже оказалось на площади.

Так продолжалось семь дней. Семь потрошителей, семь трупов. Ординары были напуганы и ничего не понимали, но аномалы знали, что это значит. Вскоре смотрители поняли, что чем больше они заставляли ее молчать, тем громче она становилась.

В Брашов приехало больше аномалов. Что-то в Королеве ядов внушало им свободу – в женщине, которую смотрители не могли убить. Некоторые из них – Аконитовый двор, как они себя прозвали – начали показывать свои способности ординарам.

В моей голове зарождается странная мысль – недостающий кусочек пазла, – а две девушки в зеленых платьях идут навстречу друг другу, их ладони постепенно сближаются, пока история достигает апогея.

– Начиналось все с малого. Миазм и визуал устроили публичную дуэль на городской площади. На следующий день та наполнилась зрителями. Люди хотели увидеть еще.

Экран показывает двух мужчин – блондина и лысого с татуировками на черепе, – сражающихся на мостовой. Миазм поднял руки, и в сторону визуала полился зеленый свет, а тот, в свою очередь, создал взмахом руки портал и вышел позади миазма. Визуал пошевелил пальцами и так быстро сотворил клинок, что миазм даже не успел обернуться, прежде чем ему приставили лезвие к горлу.

– Они хотели увидеть созданий, подобных себе, но лучше.

Проекция показывает быстро сменяющиеся бои аномалов. Я замечаю камнекожего и вэйпера, но других не узнаю. Понятное дело, что список моего отца был неполным, но я и не представляла, что мои знания настолько скудны.

Я начинаю поворачиваться, но голос меня останавливает. Не знаю почему. Конец истории мне известен. Зачем его видеть – не ясно.

Но я будто прирастаю к месту.

– И они начали драться. Вскоре аномалы переместились с городской площади на поле и построили трибуны. Это переросло в нечто большее. Поговаривают, что Королева ядов присутствовала на каждом турнире. И там, прямо под ее взглядом, мир впервые открыто увидел нас. Именно тогда мы вышли из мифов и ступили на мостовую. Как это всегда бывает, какое-то время все было прекрасно. Прошла пара месяцев – ничего не происходило. Ни трупов, ни цветков. Просто тишь да гладь, будто затянувшийся вдох. Турниры продолжались. Аномалы бесстрашно ходили по улицам, и Королева ядов была нашим символом – нашим освободителем. Она, судя по всему, не думала об этом в таком контексте и продолжала посещать таверну, обзаводиться любовниками и разгуливать по улицам босой. Ее волосы цвета крови по-прежнему подхватывали снежинки, будто ничего не изменилось. Никто не знает, как это произошло. Хоть город и наполнился аномалами, зрители никому не показывались на глаза.

Экран затягивается черным клубящимся дымом.

Но когда он растворяется, я задерживаю дыхание.

– Следующим утром ее обнаружили посреди площади с открытыми, мутными, уже покрывающимися коркой льда глазами. А вокруг нее выложенные идеальным кругом – бутоны аконита. Во рту – семь цветков.

Я хочу отвернуться, но вид яркой рыжеволосой женщины, неподвижно лежащей в снегу, не дает мне отвести взгляд от экрана.

Из колонок раздается мужской голос:

– Уверен, зрители считали, что на этом все закончилось. Уверен, они думали, что после такого никому не хватит глупости бросить им вызов. Но они ошибались, поскольку кое-что произошло – аномалы вкусили солнечный свет и устали от тени. Повсюду начали организовываться турниры. Но зрителям не понравилось, что мы пристрастились к свободе.

На проекции отражается сцена, от которой замирают трибуны. Люди в капюшонах, со скрытыми лицами и цветком королевы ядов в руках.

Зрители.

– Всего за одну ночь они взяли на вооружение каждого аномала в своем арсенале, чтобы уничтожить всех, кто когда-либо сражался на турнирах. Заря омыла своим светом головы на пиках с аконитом во ртах – предупреждение от самого главы зрителей, Ивана Илрии. С тех пор мы жили в страхе.

Девушки опускают руки, и экран тускнеет. В клетке появляется силуэт мужчины. Это он говорит. Его голос спокойный и уверенный.

– Они использовали магию всех своих людей вместе взятых, чтобы создать правило, по которому мы не можем показывать свою силу ординарам. И с того дня мы придерживались этого правила. Наши руки были связаны, но мы все равно боялись зрителей. Любой проступок мог оповестить ординаров о нашем существовании, что привело бы к цветку королевы ядов на нашей двери. Но тем дням пришел конец. – Тут на него падает свет прожектора, и во мне вспыхивает узнавание. Я уже видела его прежде. Пока я пытаюсь понять где, мужчина улыбается.

Комната наполняется аплодисментами, и меня озаряет.

Анания. Анания Вентра. Соблазнитель русалок с обложки журнала из автобуса. Тот парень с недвижимостью. Он аномал? Он. Наверное, это о нем говорила Тесса. Теперь я понимаю.

– Мы пришли сюда, чтобы отметить начало новой эры. Ординары, мы рады видеть вас среди нас. Многие из вас слышали об этом турнире. Наверняка вы гадаете, правдивы ли слухи. Заверяю вас, что да.

Анания поднимает руку и срывает цветок королевы ядов с лозы наверху. Затем давит его в кулаке, трет между ладоней и показывает зрителям.

Он испорчен.

– Мы больше не живем в страхе.

Тут он поднимает цветок выше, и трибуны погружаются в полнейшую тишину. Мне казалось, что раньше было тихо, но это не идет ни в какое сравнение. Я слышу собственное сердцебиение, пока раздавленный цветок выпрямляет свои лепестки и возвращается к жизни.

Толпа ахает, некоторые зрители вскакивают на ноги.

Ботанисты не способны на такое. Они могут вырастить новое растение, но не могут вернуть его к жизни. Мои мысли кружатся в поиске ответа, в памяти пролистываются страницы с вычеркнутыми историями и запятнанными кофе картами. В голову ничего не приходит, кроме одного, но это невозможно. В мире есть лишь одна группа аномалов, которая имеет такую силу, но она была в списке вымерших кланов на последней странице папиного блокнота.

– Я уже много лет знаю о боях в «Подполье». Гладиаторы... – при этом слове толпа раздражается воплями, и Анания улыбается. – Да, вот кто они – воины, которые осмелились использовать свои силы как пожелают, не чувствуя страха. Поэтому я пришел сюда и попросил начать турнир в этой клетке. – Он обводит ее рукой.

Я вспоминаю свой разговор с Сапфирой. Как она не хотела, чтобы я знала, чем они тут занимаются. Вот почему. Это убежище – подпольный бойцовский клуб.

– Добро пожаловать на Турнир реверсии! – зычно объявляет Анания, и аплодисменты становятся оглушительными.

Мой инстинкт самосохранения твердит, что нужно бежать отсюда. Если уйду сейчас, то еще успею на автобус. Но есть и другая мысль, более громкая и сильная – та, что зацепилась за слово «реверсия». Если это значит то, что я думаю, то Анания – реверсор.

Он не должен существовать. Но раз он существует, то записи моего отца не до конца верные. Это значит, что он ошибался, и в этой мысли кроется одновременно ужас и надежда. После короткой борьбы ужас побеждает, и я начинаю красться к двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Манодж Неллиятту «М. Найт» Шьямала – американский кинорежиссер и сценарист индийского происхождения, известный своими мистическими триллерами.

2

Веспер – римский аналог Геспера, олицетворение вечерней звезды (Венеры); вечерняя молитва.

3

Prudence – с англ. благоразумие, рассудительность.

Известна также как «кривая распределения Гаусса». Оценки обучающихся зависят от всей группы: каждый студент оценивается на фоне знаний более сильных товарищей.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bler_ketrin/manyaschaya-ten

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)